

ВАЛЬМЬЕ.

ИСТИННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Сочиненіе Господина Арнода.

переводъ

Ивана Захарова.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

иждивеніемъ І. К. Шнора, 1790 года.

ВАЛЬМЬЕ,

ИСТИННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Благость и правосудіе, сіи двѣ толико потребныя человѣкамъ а паче государямъ добродѣтели, царствовали вкупѣ съ Лудовикомъ XII на престолѣ Французскомъ; просвѣщенный и человѣколюбивый министръ достохвально споспѣшествовалъ мудрымъ намѣреніямъ монаршимъ; но весь вообще народъ удаленъ еще былъ отъ воспріятія вливаемаго во умы государемъ его духа: великая предлежала ему трудность къ отрясенію оныя тины варварства, доказующей начало наше, которую нелѣпое невѣжество февдальнаго

правительства толь долговременно ко стыду и бѣдствїю державы сей подкрѣпляло. Предразсудокъ, сей первый и всегда безчеловѣчїемъ ослѣпленный общества тираннъ, есть то чудовище, коего самовластное владычество надъ душами обуздать всего труднѣе. Видно что не достигли еще мы того, дабы забыть и принудить другихъ къ забвенїю, что предки наши суть дикїе Галловъ и Римлянъ истребители. Не взирая на успѣхи мнимаго философскаго просвѣщенїя, коимъ вѣкъ нашъ кичится, колико находимъ еще случаевъ, гдѣ Франки являются паки со всею ихъ лютостїю!

Юноша нѣкїй, вышедъ изъ лѣтъ отрочества и вступившїй въ службу военную, былъ примѣромъ добродѣтели въ томъ городѣ гдѣ онъ съ полкомъ своимъ находился. Во

всемъ Орлеанѣ разносилися хвалы Вальмье; не проходило почти дня, въ который не говорили бы о какомъ-либо благотворномъ его дѣянiи, кое онъ по скромности своей тщетно скрывать старался. Юноша сей, да опишемъ его единою чертою, въ милой наружности тѣла имѣлъ прекрасную душу: во всякаго вселялъ къ себѣ дружество и любовь; мущины ревностно старались имѣть его въ обществѣ; женщины спорили о побѣдѣ его сердца. Молодая, двадцати двухъ лѣтъ, богатая вдова, совокупляющая въ образѣ своемъ всѣ вожделѣнныя прiятности, была изъ первыхъ Вальмьева сердца ищущихъ красотъ. Надежда ея имѣла и основанiе: ибо она произвела и въ немъ чувствуемую ею склонность. Оба влюбленные ввѣрили взаимную другъ другу страсть. Любящiй

столько же какъ и любимый Вальмье, долженствовалъ бы кажется вкушать непорочное и ничѣмъ ненарушаемое блаженство: но тайная нѣкая задумчивость терзала его и у ногъ даже госпожи Лормессанъ; самое присутствїе сей плѣнившей его прелестной женщины, усугубляло оную снѣдающую его мрачную печаль; изъ груди его исторгались знаменующїе лютую горесть воздыханїя; съ нѣжнымъ болѣзнованїемъ взиралъ онъ на сладчайшїй любви своея предлогъ, и возводилъ потомъ слезящїя очи какъ бы жалуясь на небо. По многократнымъ разговорамъ, въ коихъ госпожа Лормессанъ выхваляла прїятности брака, напослѣдокъ открыла ему чувствованїя души своей, и съ сердцемъ предложила руку. Вальмье упадаетъ къ ногамъ ея: — Вы видите, су-

дарыня, коликїй восторгъ объемлетъ духъ мой: такъ, предложенїе сїе есть верхъ моего блаженства, и чувствую . . . чувствую всю онаго цѣну; никто поистиннѣ толико не достоинъ наполнять душу мою прїятностьми и прельщенїемъ какъ вы; никто не въ силахъ влїять въ меня толикїя любви, каковую вы вдохнуть можете; но . . . позвольте мнѣ отрещись . . . Ахъ сударыня! жребїй мой есть жребїй злополучнѣйшаго изъ всѣхъ человѣка! — Развѣ вы сопряжены, сударь, тайнымъ какимъ союзомъ? Какъ! Вальмье могъ быть толь вѣроломенъ? . . — Постойте, сударыня! не обижайте меня сомнѣнїемъ въ неблагодарности и вѣроломствѣ; нѣтъ, нѣтъ, никто еще не любилъ толь нѣжно какъ я люблю васъ; страсть

моя день отто дня возрастаетъ, и я понесу ее во гробъ. — Такъ кто же, когда я столь тебѣ любезна, союзу нашему воспрепятствовать можетъ? Родители твои . . . — Мои родители, сударыня, мои родители! (При семъ восклицанiи исторгся изъ груди его болѣзненный вздохъ.) — Да, сударь: неужели родители ваши не соблаговолятъ на сей бракъ? . . . Мое происхожденiе, достатокъ мой . . . — Ахъ! нѣтъ сомнѣнiя, сударыня, что природа истощила на васъ всѣ свои дары, и нѣтъ ни единаго изъ смертныхъ, который не поставилъ бы себѣ въ честь быть супругомъ вашимъ; не говорю о богатствѣ: ибо можно ли его видѣть, можно ли ощущать иное блаженство, кромѣ счастiя обладать толикими прелестьми; единъ прекрасныхъ очей вашихъ

взоръ ... взоръ единъ есть верховное благо ... — И ты отрицаешься жениться на мнѣ, Вальмье? Когда же знаешь ты любовь, такъ не мнишь ли что бъ и я не вѣдала ея нѣжностей? Ты имѣешь честь служить королю: сего отличія мнѣ довольно; не вопрошаю о имуществѣ твоемъ; и ежели судьба къ тебѣ неправосудна, коликое восчувствую удовольствіе, когда отмщу за ея къ тебѣ неблагосклонность и заглажу ея преступленіе! — Ахъ когда бы благоволило небо, чтобъ я на сію только напасть могъ приносить жалобы! Правда сударыня, я не богатъ: пробавляюсь малымъ весма доходомъ. — Такъ неужели эта причина, сударь, заставляетъ васъ колебаться въ совершеніи нашего союза? ... А я желала бъ только составить тѣмъ счастіе ваше, и нимало не

устыдилась бы признаться, что то мое благополучїе совершаетъ. —Удержитесь, сударыня: чувствительность мою подвергаете вы тяжкому опыту. Ахъ! почто не могу я соотвѣтствовать толикому великодушїю! Знайте, что часть моя въ бѣдствїи подобной себѣ не имѣетъ. Ненавидѣть вы меня должны, презирать . . . . Увы! что я сказалъ! . . . Но могу ли и безъ любви вашей пренесть бремя противной мнѣ жизни? — Не понимаю тебя, Вальмье! Ты любишь меня; я предлагаю тебѣ руку, имѣнїе, сердце мое, и ты страшишься сего нѣжности моей вожделѣннаго союза? Еще повторяю: ежели бы ты былъ въ совершенной нищетѣ; естьли бъ происхожденїе твое было весма ниже моего . . . — Нѣтъ, сударыня, вы бы меня не полюбили . . . да и самъ

бы я потщился отвратить . . . Но не тщетноль я продолжаю рѣчь о такомъ блаженствѣ, котораго вкушенїе мнѣ воспрещенно? Жалѣйте о мнѣ, сударыня, жалѣйте: непреодолимое препятствїе разлучаетъ насъ на вѣкъ другъ отъ друга. Перестанемъ говорить о семъ бракѣ. Оставьте меня, сударыня... оставьте умереть. Позвольте удалиться мнѣ, и свободить васъ отъ зрѣлища такой горести, коея ничто уже усладить не можетъ. — Вальмье! не отпущу тебя прежде нежели не объяснишь мнѣ причинъ сего отказа.... Пораженна толикою печалїю, сама, сама я умру твоею жертвою. И неужели недостойна я повѣренности твоей? Я уничтожу всѣ твои возраженїя. — Ахъ сударыня! симъ паче растравляете вы болѣзнь мою. Не могу противустоять необходимости,

сей лютой необходимости, налагающей на меня законы . . . Будь увѣрена, дражайшая, что я тебя обожаю, и что сей любовникъ твой, любовникъ нѣжный, любовникъ страстный, никакъ не можетъ быть твоимъ супругомъ.

Не успѣвъ еще окончить сихъ словъ, юный Вальмье далече былъ уже отъ взоровъ госпожи Лормессанъ. — Неблагодарный, возопила она, оставляетъ меня на снѣденіе моей горести! И говоритъ что любитъ! Ахъ! давно ли стала любовь толико осторожна? Ежели бы онъ любилъ меня, могъ ли бы что либо сохранять въ тайнѣ? Какая это непреодолимая разлучаетъ насъ преграда! Сказавъ сіе бѣжитъ на стрѣчу вошедшей дѣвицѣ Ермански, искренней ея подругѣ.—Дражайшая Елеонора! подай мнѣ помощь. Никогда,

ахЪ! никогда я такой надобности вЪ дружбѣ твоей не имѣла. Извѣстна тебѣ несчастная страсть моя; знаешь ты что Вальмье всей нѣжности моей достоинЪ; но можешь ли вообразить какимЪ поражена я ударомЪ? ИзЪясняюсь я сЪ жестокимЪ нарушителемЪ моего покоя, сЪ хищникомЪ благоденствїя моего; признаю власть его надЪ душею моею: словомЪ, предлагаю ему руку, и когда представляю себѣ что онЪ полетитЪ кЪ олтарю, повѣришь ли, нѣжный другЪ мой? получаю отказЪ, отказЪ жестокой, уничижительной . . . отказЪ, повергающїй меня во гробЪ. Вальмье . . . не понимаю что за своенравїе . . . Вальмье возобновляя мнѣ клятвы любви своей увѣряетЪ, будто бы не возможно ему сочетаться со мною. Примѣтила я что онЪ былЪ смущенЪ, при-

скорбенъ; но причинъ препятствующихъ союзу нашему немогла проникнуть. Когда бы не столь честной былъ онъ человѣкъ, покусилась бы я подумать что иное связуетъ его обязательство; но Вальмье не сталъ бы меня утверждать въ той мысли, что я одна ему любезна. Развѣ внемлетъ онъ внушенїямъ гордости? . . . Но кто истинною пылаетъ страстїю, повинуется ли тотъ тщеславїю! Естьли же онъ недостаточенъ, естьли рожденъ отъ незнатныхъ родителей, такъ я поставилабы себѣ въ славу избрать его мужемъ моимъ. Не точно ли также думаешь и ты, любезная Елеонора?— Можешьли ты сомнѣваться? Знаю по себѣ, что ежелибъ я любила, питала бы тѣ же чувствїя: такъ, питалабъ ихъ къ моему услажденїю. Вальмье достоинъ конечно

всякїя жертвы. Ахъ! какъ ты счастлива, душа моя! ты можешь составить его благополучїе. Произнеся сїе дѣвица Ермански испустила тяжкїй вздохъ. Милая дѣвица сїя толикими же славилась добродѣтельми какъ и красотою; находилась она подъ опекою дяди, преподавшаго ей воспитанїе, удобное просвѣтить умъ и во благихъ ея склонностяхъ учинить непоколебимою; благоразумная твердость паче всего свойство ея отличала; съ нѣкоего времени здѣлалась она задумчива, уныла, и не столь уже часто съ госпожею Лормессанъ видалась. Дочь дворянская, оставшаясь послѣ родителя своего наслѣдницею знатнаго имѣнїя, могла она уповать найти себѣ достойнаго жениха: многїе уже и сватались за нее; но не взирая на всѣ

убѣжденія и прозбы опекуна всѣмъ она отказывала, и симъ непреодолимымъ сопротивленіемъ дядю своего повергала въ крайнюю печаль.

Нѣкогда вечеромъ Вальмье пришелъ домой исполненный жесточайшаго смущенія. Хозяева, у коихъ онъ въ домѣ жилъ, не могли постигнуть тому причины. Входитъ онъ въ комнату свою, пишетъ записку, и призвавъ слугу: Отнеси, говоритъ, писмо сіе къ Дарнею, и скажи ему, скажи, чтобъ непремѣнно на мѣсто назначенное мной явился. Послѣ того храня глубокое молчаніе изображаетъ на лицѣ своемъ ярость; слезы изъ глазъ его ліются; получаетъ потомъ отвѣтъ, что оный, служащій съ нимъ въ одномъ полку офицеръ, не преминетъ ожидать его въ пять часовъ утра за

воротами**. Я упрежду его, вскричалЪ Вальмье. Тогда удобно было догадаться, что назначается касательной чести его поединокЪ. Едва солнце освѣтило оризонтЪ, юный воинЪ сей спѣшитЪ на мѣсто сраженія; но друзья его останавливаютЪ. Вы меня любите, говоритЪ Вальмье пріятелямЪ своимЪ, и вы первые должны понуждать меня итти туда . . . куда призываетЪ меня должность. — ХотятЪ покрайней мѣрѣ слѣдовать за нимЪ; но онЪ увѣряетЪ что свидѣтели ему не нужны, и требуетЪ отЪ дружбы ихЪ сего скромности доказательства.

ПришедЪ на мѣсто назначенное кЪ поединку, Дарнея тамо не находитЪ; но по нѣкоемЪ времени Дарней является. — За чѣмЪ ты звалЪ меня, Вальмье, такЪ рано? Чего хочешь отЪ меня? — Твоей

или моей смерти, вѣроломный! — Не понимаю такова разговора! — Тотчасъ изъяснюсь съ тобой, недостойнѣйшій изъ всѣхъ человѣкъ! Надобно прежде чтобъ я оправдался въ моихъ предъ тобою проступкахъ. Помнишь ли какъ нѣкогда угнѣтала тебя бѣдность? я пощадилъ тогда нужды твоея стыдливость; упредилъ признаніе твое, толь мучительное злополучной добродѣтели: тотчасъ раздѣлилъ съ тобою малое мое имущество. Но что еще! облегчая несчастіе твое подвергся тому уничиженію, каковое занимающіе въ долгъ необходимо на себя навлекаютъ. По моему ходатайству получилъ ты чинъ поручика; отецъ твой и теперь еще долженствуетъ друзьямъ моимъ за опредѣленіе его къ почетному мѣсту; а въ томъ приключеніи, гдѣ разбой-

ники стремились было пронзить грудь твою, я покрылъ тебя моею грудью, спасъ жизнь твою... — Что же... къ чему такїе упреки? — Я болѣ учинилъ, неблагодарный: я любилъ тебя, любилъ, и открылъ тебѣ тайну сердца моего, сердца толь чувствительнаго! И какоежъ получилъ за то воздаянїе? Что ты говорилъ, варваръ, что расказывалъ многимъ нашимъ таварищамъ? Ты разславилъ такое обстоятельство, которое самая честь обязывала тебя хранить въ вѣчномъ молчанїи! ты обнародовалъ таинство, мученїе, лютое жизни моей мученїе. — Сказалъ... — О Боже мой! неоспоримая то истинна... и не довольно ли тѣмъ растерзано сердце мое? ... что я изъ числа тѣхъ зазорныхъ дѣтей, коихъ сама природа кажется будто отъ нѣдръ

своихъ отрѣваетъ? Такъ, чудовище, такъ! я есмь злополучный, который не знаетъ ни отца, ни матери; не отрицаю, что почтенный Лоримонъ нашелъ меня издыхающа у воротъ своего дома, исторгъ меня къ бѣдствїю моему изъ челюстей смерти, излїялъ на меня благодѣянїя, доказалъ мнѣ нѣжность прямо родительскую. И ахъ! свидѣтельствуюсь небомъ, да и самъ Лоримонъ оправдаетъ меня, что я никогда, никогда не помыслилъ нарушить благодарности, каковую питалъ вкушая его благотворенїя; но самъ онъ принудилъ меня къ молчанїю; онъ повелѣлъ мнѣ уступить предразсудку . . . сему предразсудку лютому . . . давъ наставленїе скрывать позоръ рожденїя моего, ежели въ самомъ дѣлѣ можетъ то быть поношенїемъ. Но ты, злодѣй! ты

покрытый срамотою нечестивецЪ, ты неблагодарный, узнавЪ отЪ Лоримонова свойственника сїе таинство, и исторгнувЪ отЪ меня великодушное вЪ томЪ признанїе, разславилЪ всему свѣту, хотя и молилЪ я отЪ дружбы, отЪ чести твоей сокрытїя онаго: ты измѣнилЪ всѣмЪ . . . Готовься же дать мнѣ скорый отчетЪ; обнажай шпагу свою, и пусть одинЪ изЪ насЪ умретЪ . . . . Но ты нѐ хочешь меня удовлетворить? — КакЪ же мнѣ драться . . . сЪ человѣкомЪ незнаемымЪ? . . . — И ты обидѣвЪ меня отрицаешься загладить свое беззаконїе? Защищайся, защищайся; не хочу быть твоимЪ убїйцею, но мстителемЪ оскорбленнаго человѣчества. Тварь презрѣнная! нанеся на меня ножЪ, неужели боишься ты лишить меня жизни!

Друзья, коихъ просилъ Вальмье не слѣдовать за нимъ, бросились объявить о томъ начальнику его полку. Офицеры прибѣжавъ къ нимъ разнимаютъ ссорющихся, и вопрошаютъ, какая причина побудила Вальмье вооружиться на Дарнея. Возвысивъ голосъ Вальмье отвѣчалъ: — Какая причина? гнуснѣйшее вѣроломство. Вѣдайте, что я есмь изъ числа тѣхъ несчастныхъ, коихъ родители имѣли жестокость отрещись при самомъ рожденіи: симъ подтверждаю то, что Дарней дерзнулъ уже вамъ открыть подлѣйшимъ образомъ. Ежели въ семъ обстоятельствѣ содержится посрамленіе, такъ я чаю что и загладилъ уже оное: любовь къ должности моей, рвеніе отличиться въ службѣ и послѣдовать примѣру вашему, могутъ мнѣ со временемъ даровать

достаточную надежду заслужить отъ всѣхъ уваженїе: и я, я толико любящїй честь, неужель лишился оныя до того, чтобъ не позволено мнѣ было требовать и праведнаго мщенїя? Неужель и вы подобно сему гнусному Дарнею мыслите? Какъ! чтобъ я недостоинъ былъ пронзить измѣнническое сердце его, или бы предать ему грудь мою на растерзанїе? (Вильмьевы таварищи потупляютъ глаза и молчатъ.) Понимаю васъ, понимаю . . . Хорошо, государи мои . . . съ сея минуты самъ я надъ собой судъ совершаю . . . выхожу изъ вашего полку. Со временемъ узнаете можетъ быть каковъ есть Вальмье . . . . О Боже! коль плачевна часть моя! Чѣмъ я погрѣшилъ? . . . ахъ! единымъ моимъ рожденїемъ, единымъ рожденїемъ! Къ чему же пользуетъ

быть добродѣтельнымъ? . . . Обратясь потомъ къ Дарнею: А ты, нечестивецъ, не избѣгнешь моего мщенія: ласкаюсь надеждою, что потщусь пріобрѣсти позволенное право наказать тебя, пролить ручьями кровь твою, или самому мнѣ пасть отъ ударовъ злодѣйскихъ твоихъ рукъ. Не исполнилъ ли я всего по силамъ моимъ, чѣмъ бы пріобрѣсть всеобщее почтеніе? почтожъ наказуюсь за безчеловѣчіе даровавшихъ мнѣ жизнь злополучную! Послѣднія слова сіи произнесъ Вальмье плачевнымъ голосомъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ тщатся утѣшить его, и усладить горесть чувствуемую имъ при невольномъ оставленіи службы. Въ тѣ дни предразсудокъ владычествовалъ лютяе настоящаго времени: общество гнушалось присоединить къ членамъ своимъ тѣхъ,

коихъ рожденіе почитаемо было незаконнымъ. — Утѣшеніе ваше, преялъ Вальмье, растравляетъ язвы мои. Повторяю вамъ, познаете впредь достоинъ ли я былъ вашего таварищества. А тебя, злосердый человѣкъ, принужу себя любить, или покрайней мѣрѣ жалѣть о мнѣ!

Горесть Вальмьева превосходила всякое изображеніе: ибо ненадежность существованія впредь сражала все его мужество. Упомянутый Лоримонъ, богатый торговецъ города Блоа, нашелъ его преданнаго на погибель отъ хлада и бѣдности: призрилъ его, воспиталъ, и опредѣлилъ къ жалованью его небольшое число денегъ на содержаніе въ службѣ военной. Юноша сей узналъ бѣдственный свой жребій пришедъ уже въ совершенный возрастъ.

Тотчасъ приключенїе Вальмьево разнеслось по Орлеану. Странная разума человѣческаго нелѣпость, налагающая и на самыя сердца тиранскїя свои оковы! Тѣ самые, кои наканунѣ хранили почтенїе къ сему любви достойному молодому человѣку, являютъ теперь холодность, за которою вскорѣ слѣдуетъ устраненїе отъ сообщества его, и самое даже презрѣнїе. Добродѣтели его въ тожъ мгновенїе лишились и уваженїя и цѣны въ глазахъ каждаго; жаждущая измѣны неблагодарность чувствованїя обязанности своей предаетъ забвенїю: словомъ, приписуютъ такое Вальмье злодѣянїе, которое на родителей его упадать только долженствуетъ. Но онъ мужается, и уничиженїемъ себѣ не поставляетъ онаго: изслѣдовавъ глубину души своей на-

ходитъ въ ней оправданіе отъ неправедности сего предразсудка, достойнаго памятника ордъ грубѣйшихъ нежели Вандаловъ и Гепидъ; и ничего инаго не обрѣтаетъ къ обвиненію своему, кромѣ оказанныхъ имъ чувствительности и благотворенія. Безчеловѣчные! вопіетъ онъ, почтеніе ваше, а отнюдь уже не дружество, отвергаю я съ презорствомъ: ибо почтеніемъ онымъ должны вы мнѣ за мои съ вами поступки. Не можете вы отрещи мнѣ почтенія сего не нарушивъ справедливости; когдажъ откажете, признанія собственнаго сердца моего довлѣетъ тогда къ моей наградѣ, довлѣетъ къ ободренію меня за такіе подвиги, кои принудятъ васъ раскаяться. А сверхъ того, кто можетъ лишить меня сладостей того удовольствія, которое съ

толикимъ восторгомъ вкушаю? Не престанемъ же быть чувствительными; да будетъ должностїю нашею благотворенїе, и потщимся не вѣдать предмѣтовъ онаго. Госпожа Лормессанъ не станетъ конечно также мыслить, какъ мыслитъ о вещахъ толикожъ безумное какъ и грубое простонародїе. Она любитъ меня: пойду отъ собесѣдованїя ея прїять утѣшенїе въ такомъ бѣдствїи, коего я не заслужилъ, и кое неужели не заглажу?

Дѣвица Ермански была у госпожи Лормессанъ, сокрушающейся о слухѣ, пронесшемся касательно чести ея любовника. Вотъ причина, говорила она, принуждавшая его отрицаться руки моей. О какъ я злополучна, любезная Елеонора! Нѣтъ, не перенесу толь уничижительнаго славѣ женской позо-

ра . . . Кто посрамляется выборомъ своимъ . . . — Посрамляется! Какъ! ты приписуешь поношенїе такому обстоятельству, гдѣ я вижу только непрїятное приключенїе? . . . Въ семъ-то случаѣ, милой другъ мой, и должна любовь явиться во всей ея нѣжности. И лишился ли Вальмье хоть мало тѣмъ своихъ достоинствъ? Не тѣми ли же украшается онъ прїятностьми, добродѣтелями, и не ту ли же власть имѣетъ надъ твоимъ сердцемъ? Надлежитъ ли почитать его жертвою безчестїя злосердыхъ родителей? Ихъ-то надлежало бы, естьлибъ они извѣстны были, предать поношенїю. Молодой этотъ человѣкъ достоинъ всякаго сожалѣнїя, достоинъ слезъ сострадательныхъ!

— Такъ, конечно такъ, отвѣчаетъ вдова; нанесенный ему ударъ му-

чителенъ . . . не можетъ онъ отъ него оправиться! сама я съ нимъ вкупѣ пораженна умираю . . . И ахъ! въ ту самую минуту, когда онъ готовился быть моимъ супругомъ, не долженствую помышлять о семъ бракѣ! . . . Общество есть такой тираннъ, сужденіямъ коего должны мы подвергаться, жертвовать собою . . . Что станутъ говорить, ежели я за Вальмье выду? . . . — Такъ ты ево не любишь? . . . — Любовь моя безпримѣрна; но повторяю тебѣ, что мы зависимъ отъ окружающаго насъ общества; живемъ не для самихъ себя; честь налагаетъ на насъ законы . . . . — Честь, сударыня? Такъ вы думаете что Вальмье обезчещенъ? . . . — Выраженіе это жестоко, душа моя: онъ не обезчещенъ; но . . . такое носитъ пятно . . . Таково уже об-

щее условіе . . . мнѣніе сіе существуетъ прежде насъ . . . думать надобно что оно правильно. Будь увѣрена, другъ мой, что мы не можемъ уклониться отъ его бремени . . . . Но при всемъ томъ чувствую, что нѣжности моей ничто уменшить не можетъ; навсегда останется онъ мнѣ любезенъ . . . О Боже! помѣшательство сіе столько же поистиннѣ жестоко, колико и неожидаемо!

Во время разговора сего входитъ Вальмье; госпожа Лормесанъ едва не лишается чувствъ; дѣвица Ермански съ другой стороны усиляется сокрыть текущія слезы. И такъ, сударыня, говоритъ Вальмье обратясь къ невѣстѣ своей, извѣстны уже вамъ всѣ мои злополучія? Теперь къ ногамъ вашимъ повергаюсь, и отъ васъ ожидаю услажденія моей

горести: ибо удручавшее сердце мое таинство совершенно уже вамъ открыто. И вотъ причина отказа сопротивлявшагося моему благополучїю! .... — Ужасное обстоятельство! ... ощущаю всю онаго горесть! ... Ахъ, Вальмье! не возможно уже ... препятствїе сїе неопреодолимо, поистиннѣ непреодолимо. Безчеловѣчное, предразсудками ослѣпленное общество ... Такъ это правда, сударь, что происхожденїе ваше незнаемо? — Такъ, сударыня, даровавшїе мнѣ жизнь не отняли у меня оную для того, что бы учинить меня злосчастнѣйшимъ изъ человѣковъ. Но любовь ваша неужели подвержена быть можетъ нелѣпымъ условїямъ варварскаго общества? Что до меня, сударыня, ничто не возмутитъ чувствованїй привязующихъ меня къ вамъ на всю жизнь

мою; хотябъ вы были преданы всѣмъ ужасамъ нищеты, хотябъ низвержены стали въ подлѣйшее состоянїе: словомъ, хотябъ подобны были мнѣ, страсть моя тѣмъ паче бы къ вамъ усугубилась, и я повергнувся къ ногамъ вашимъ предъ лицемъ неба и земли нарекъ бы васъ обладательницею души моей, моею супругою; гордился бы именемъ вашего мужа . . . Ахъ! отрите слезы ваши: онѣ раздираютъ мою внутренность! Такъ, сударыня, рожденїе мое незаконно; но имѣю надежду составить мое щастїе, и . . . составлю его, конечно составлю: увѣряю въ томъ словомъ моимъ, и нѣжности вашей учинюсь достойнымъ.—Ахъ, сударь! вскричала дѣвица Ермански; какъ искусны вы привлекать сердца! . . . и къ симъ словамъ присовокупила

тихимъ произношенїемъ: О ежели бы я на мѣстѣ была моей подруги!

Достопочтеннѣйшїй человѣкъ можетъ конечно содѣлаться мгновенно злополучнѣйшимъ; но предположитъ однакожъ ужасному поражающему его удару ту душевную крѣпость, коя истинное составляетъ мужество; потщится почерпнуть въ собственномъ сердцѣ своемъ утѣшенїе, въ коемъ начинаютъ ему отрицать, и напишетъ къ несмысленнымъ онымъ существамъ, сотвореннымъ колѣнопреклоняться предъ самовластїемъ обычая: „Вижу, что со „времени приключенїя моего при„нимаете вы меня съ обидною хо„лодностїю; но прежде нежели „произнесу на васъ жалобы, по„тщусь убѣдить васъ доказатель„ствами. Какая вина сей оскор-

,,бительной перемѣнѣ? не тотъ
,,ли я и теперь, каковъ былъ на-
,,задъ тому пять и шесть дней?
,,чѣмъ вы меня укорить можете?
,,нарушилъ ли я дружество, чест-
,,ность, сїю чувствительность,
,,привлекшую мнѣ отъ города ва-
,,шего нѣкое уваженїе? Родители
,,мои невѣдомы; ужасное злодѣя-
,,нїе возмущающее природу, по-
,,двигло ихъ отринуть меня отъ
,,нѣдръ своихъ; а вы являетесь
,,готовы наказать меня за ихъ
,,преступленїе; вы совершенно
,,противъ меня тогда перемѣни-
,,лись, когда бы надлежало вамъ за-
,,ступить мѣсто недостойныхъ
,,моихъ отца и матери, когдабъ
,,надлежало вамъ принудить меня
,,забыть ихъ лютость, и взирать
,,на себя какъ на человѣка ревную-
,,щаго прїобрѣсть отъ подобныхъ
,,себѣ любовь и уваженїе? Какъ!

,,неужели нѣсколько благихъ дѣя-
,,нїй, кои имѣлъ я счастїе испол-
,,нить, утратили во умахъ ва-
,,шихъ все ихъ достоинство? Не-
,,ужели должно мнѣ быть жер-
,,твою предшествовавшаго рожде-
,,нїю моему проступка? Неужели
,,жестокость и неправосудїе про-
,,стрется до того, что отреченно
,,мнѣ будетъ и всякое оправданїе
,,въ семъ убїйственномъ презор-
,,ствѣ? . . . Но не меня, а васъ,
,,ослѣпленные лютостїю человѣки,
,,васъ должно презрѣнїе сїе пора-
,,жать, безславить, посрамлять;
,,васъ, кровь коихъ до того гнусна,
,,что отъ рукъ моихъ и пролита
,,быть недостойна. Неизвѣст-
,,ность происхожденїя моего озна-
,,меную я принадлежащимъ соб-
,,ственно мнѣ благородїемъ; не
,,хочу имѣть ни родителей, ни
,,друзей; потщусь сыскать ихъ

,,въ самомъ себѣ, и покрыть васъ ,,стыдомъ уличивъ въ лютости ,, . . . свойственной однимъ токмо ,,благоучрежденнымъ народамъ: ,,ибо дикіе толикаго поруганія ,,природѣ не вѣдаютъ. Идите, до- ,,стойные раби предразсудка, по- ,,казывайте сіе писмо себѣ подоб- ,,нымъ; восхищайтесь вкупѣ съ ,,ними безчеловѣчіемъ своимъ. Но ,,ежели есть еще въ васъ искра ,,разума, капля чувствованій бла- ,,городныхъ, вы устремитеся ис- ,,торгнуть жизнь мою, и уничто- ,,жить бытіе наполненное ядомъ ,,горестей; но не сомнѣваюсь, ко- ,,нечно не сомнѣваюсь, что мало- ,,душіе свое прикроете вы, подо- ,,бно какъ и гнусный Дарней, тѣмъ ,,же предлогомъ, который изоб- ,,личитъ только подлость душъ ,,вашихъ. Должны вы почувство- ,,вать, что симъ колико могу о-

,,скорбляю васъ: такъ неужели и ,,такимъ средствомъ не возбужду ,,въ васъ смѣлости?,,

Вальмье увѣренъ былъ, что любовь произведетъ въ немъ забвенїе о семъ горестномъ обстоятельствѣ; но коль велико было его заблужденїе! Не чаялъ онъ, чтобъ госпожа Лормессанъ перемѣнилась, и не подозрѣвалъ холодныхъ ея прїемовъ; находилъ ее всегда въ слезахъ; внималъ отъ ней равнодушный только разговоръ, или сожалѣнїе слабое; безпрестанно вопїяла она на жестокую необходимость, на бѣдственную обязанность носить оковы общественнаго предразсудка. Напослѣдокъ достойный сей юноша получаетъ отъ ней слѣдующее писмо: ,,Не знаю, государь мой, ,,какъ приступить съ вами къ ,,объясненїю. Любя васъ страстно,

,,и не имѣя возможности послѣ-
,,довать моей склонности, почи-
,,таю себя несчастнѣйшею всѣхъ
,,женщинъ. Не имѣла я твердо-
,,сти сказать вамъ сїе изустно,
,,да и пишу теперь съ крайнимъ
,,себѣ насилїемъ; но есть всему
,,предѣлъ. Знакомство наше мо-
,,гутъ перетолковать въ худую
,,сторону; вы не въ состоянїи
,,быть уже моимъ супругомъ: ибо
,,сами въ томъ весма удостовѣ-
,,рены. Поразившее васъ злопо-
,,лучїе равно и меня поражаетъ;
,,но подумайте, не должна ли я
,,слѣдовать въ выборѣ мужа совѣ-
,,тамъ сродниковъ моихъ, друзей,
,,цѣлаго города? Не буду имѣть
,,жестокости терзать васъ усу-
,,губленїемъ разлучающихъ насъ
,,причинъ: ибо навсегда пребудете
,,мнѣ любезны; но еще повторяю,
,,что никакъ уже невозможно намъ

,,продолжать знакомства, отъ коего честь моя пострадать можетъ. Вы сами знаете, сударь, ,,свѣтское обращенїе . . . И такъ ,,принудимъ себя . . . не смѣю окончать . . . прервемъ наши свиданья.,,

,,P. S. Впрочемъ положитесь ,,на мое дружество. Во всякомъ ,,случаѣ не отрекусь подать вамъ ,,въ томъ опыты. Но пожалѣйте ,,о мнѣ, пожалѣйте о преданной ,,тиранническимъ законамъ пристойности, кои надъ нами толь ,,властительно господствуютъ. ,,О небо! почто нѣтъ у васъ родителей! Каковыбъ они ни были, ,,будьте увѣрены, я признала бъ ,,ихъ моими отцемъ и матерью. ,,И ахъ! почто не состоитъ во ,,власти моей разрушить ненавистный вооружающїйся на насъ ,,предразсудокъ! Однакожъ сердце

„мое, кленусь, всегда будетъ вамъ
„предано . . .„

Чувствительный Вальмье не могъ чтенія продолжать, но проливъ горкія слезы возопилъ: И ты, жестокая! на меня востала! Увы! могъ ли я сего ожидать? . . . Послѣдній сей ударъ пронзаетъ грудь мою.

Подобно сраженному громомъ повергся онъ на стулъ; въ смертельномъ безчувствіи ономъ пребывъ малое время, встаетъ въ ярости, и бѣжитъ къ госпожѣ Лормессанъ: — Ты ли, варварка, писала ко мнѣ, что бы прервать наши свиданья? Какъ! и ты столь же малодушна, толикожъ какъ и прочіе безчеловѣчна? . . . И когда? въ то время какъ проливаю слезы у ногъ твоихъ, когда ты едина всю для меня вселенну составляешь? Но ахъ? требовалъ ли я

сего блаженство мое совершить могущаго союза? Просилъ я . . . просилъ только сожалѣнія твоего. — Вальмье . . . выслушайте меня, государь мой: я не имѣю власти перемѣнять общаго помышленій образа. . . Есть такіе законы благопристойности . . . Вы сами ихъ безъ напоминанія знаете . . . Однакожъ я вѣчно останусь другомъ вашимъ . . . . — Другомъ моимъ, сударыня! но я толико же и отъ дружбы вашей отрицаюся, колико и отъ любви. Свершилося: вы требуете, чтобъ мы болѣ не видались; хорошо, сударыня . . . и не увижу васъ . . . никогда не увижу; перестану васъ любить; буду ненавидѣть; забуду навсегда . . . Но знаешь ли, неблагодарная, что тѣмъ приключаешь смерть мою? . .

Повергшійся къ ногамъ госпо-

жи Лормессанъ Вальмье умиралъ отъ горести. Входитъ дѣвица Ермански: — Поди ко мнѣ, любезная Елеонора, помоги мнѣ увѣрить господина сего въ томъ, что я сказать ему не имѣю отважности. Знаетъ онъ самъ, что непреодолимое препятствiе разлучаетъ насъ на вѣки; знаетъ, что не можетъ быть уже моимъ супругомъ. Ежели не перестанетъ онъ меня посѣщать, подвергнетъ подозрѣнiямъ, кои обоимъ намъ будутъ пагубны. Заклинаю тебя, нѣжный другъ мой, свободи чувствительность мою отъ обязанности преподать ему должное въ семъ случаѣ наставленiе. Я удалюсь, а ты приведи его въ разсудокъ. — Привесть меня въ разсудокъ, безчеловѣчная! Потребно исторгнуть прежде изъ сердца моего любовь, сiю бѣдственную страсть . . . ко-

торой не надлежало бы мнѣ повиноватъся . . . Но вѣроломная убѣгаетъ меня! боится укоризнъ моихъ. — Обратясь потомъ къ дѣвицѣ Ермanси: — Ахъ сударыня! вы видите во мнѣ злополучнѣйшаго, достойнѣйшаго слезъ. До чего я дожилъ! предаетъ меня бѣдствїю моему та, которой въ жертву отдалъ бы я жизнь свою!

Послѣднїя слова сїи произнесъ Вальмье проливая источники горкихъ слезъ. — Будьте увѣрены, государь мой, сказала дѣвица Ермanси, что есть еще сердца . . . состоянїе ваше терзаетъ мою внутренность! . . . вы вселяете въ меня такїя чувствованїя . . . Госпожа Лармессанъ соберетъ конечно столько мужества, чтобъ совершить счастїе ваше: истинная любовь превозмогаетъ всѣ препоны . . . На ея мѣстѣ, государь

мой, ежсли бы произведенное вами участїе. . . .

Болѣ сего не могла дѣвица Ермански продолжать: слезы прервали слова ея. Ахъ сударыня! великодушїе ваше поражаетъ мою чувствительность! Сокройте отъ меня свидѣтельство вашего сострадания. Правда, нѣтъ состоянїя въ бѣдствїи моему подобнаго; но какое мое злодѣянїе, чтобъ даже и любовь отвращала отъ меня взоръ свой? И такъ дѣйствительно учинился я предлогомъ ненависти, предлогомъ презрѣнїя! . . . Позвольтежъ мнѣ, государыня моя, удалиться и отъ васъ. Подобный мнѣ несчастливецъ долженъ убѣгать очей всякаго человѣка.

Вальмье удаляется; Елеонора не смѣетъ его остановить, и остается въ корысть лютому, движенїя души ея обнажающему

волненію. Дядя ея питалъ къ ней попечительную любовь родительскую: подвигнутый оною назираетъ ее, находитъ преданну мрачной задумчивости, и непремѣнно хочетъ вѣдать тому причину. — Когда хотите знать, любезный дядя, открою вамъ тайну моего сердца. Милости ваши ободряютъ меня покрайней мѣрѣ тѣмъ, что вы въ состояніи моемъ примете участіе. Я...познайте мое страданіе . . . я люблю. — Что слышу? Безъ моего согласія . . . — Нѣтъ, племянница ваша никогда не содѣлается недостойною попеченій вашихъ, недостойною ея родителей. Сама я въ чувствованіяхъ моихъ обманывалась: думала, что плѣняетъ меня едино почтеніе, и потому безъ осторожности заблужденію сему предала во власть разумъ свой. Скажу болѣе: хотѣла

убѣгать, хотѣла удаляться случаевъ къ восчувствованію привлеченія, которое меня обольщало; но вмѣсто того безпрестанно искала ихъ, предупреждала оныхъ нечаянность . . . и увы! познала теперь что не почтеніе, но любовь нѣжнѣйшая, любовь постояннѣйшая таиственно пріяла владычество надъ душею моею. Въ томъ однакожъ могу удостовѣрить, что бѣдственный страсти сея предмѣтъ не извѣстенъ еще колико онъ меня терзаетъ.— Ктожъ сей счастливый смертный, коего предпочитаешь ты толь многимъ свашавшимся за тебя женихамъ? Теперь не удивляюсь упрямому твоему сопротивленію...— Знакомство мое съ госпожею Лормессанъ . . . у ней, сударь, увидѣла я нѣкоего молодова человѣка...— Догадываюсь: это Вальмье . . . Боже

мой! сей незаконорожденный! — Ахъ, дядюшка! онъ несчастливъ: и сїе-то привлекаетъ болѣ мою къ нему любовь. Впрочемъ, можно ли найти въ немъ что либо достойное порицанія? — Порицанія! все, сударыня, все: разумъ, добродѣтели, всѣ его благія дѣла суть ничто уже, когда онъ покрытъ толикимъ срамомъ. Знаешь ли что такое сынъ зазорной? существо изгнанное отъ всѣхъ обществъ; поношенїе къ имени сему пригвожденное во вѣки незагладимо; а ты хочешь преять половину онаго на себя. Омрачишься и ты, коль скоро . . . — Такъ по этому, дядюшка, любовь весма слѣпа: ибо я вижу въ Вальмѣ человѣка достойнаго токмо почтенія. Ктожъ бы и не устремился утѣшить его въ злополучїи? Рожденїе зависитъ ли отъ насъ? . . . Впрочемъ я ска-

зала уже вамъ, что онъ отнюдь владычества своего надъ душею моею не вѣдаетъ. — И не сомнѣваюсь, сударыня, что конечно не узнаетъ никогда. Прервите пожалуйте знакомство ваше съ госпожею Лормессанъ, и не говорите мнѣ ни слова о Вальмѣ: онъ человѣкъ обезчещенной.

Въ коликую горесть низринули слова сїи дѣвицу Ермански! Человѣкъ обезчещенной! наименованїе сїе какъ острая стрѣла поразивъ терзаетъ ея сердце. Коль несправедливымъ, коль безчеловѣчнымъ почитаетъ она сродника своего! Лишенная всего, и даже утѣшенїя видѣть предлогъ своея любви, присутствїемъ коего, или покрайней мѣрѣ единымъ объ немъ разговоромъ могла бы наслаждаться у госпожи Лормессанъ, тщетно старается она убѣдить себя къ отри-

новенїю терзающаго ея воспоминанїя, что Вальмье тлѣетъ страстїю ко другой, что ее не любитъ, и что никогда она любима быть не можетъ: ибо не хотѣлъ онъ и понять послѣдняго ея разговора; но сїи толико склонности ея прекословныя помышленїя тотчасъ уничтожаются, коль скоро воображаетъ Вальмье достойнымъ нѣжнѣйшїя и чистыя любви, и въ тожъ время достойнымъ сожалѣнїя паче всѣхъ смертныхъ. Таковы размышленїя наполняли умъ ея. Великодушїе сильно воспламеняетъ нѣжность въ сердцахъ женщинъ чувствительныхъ: въ подобныхъ токмо случаяхъ любуются онѣ и гордятся своею страстїю, которая воспрїемлетъ на себя въ то время все достоинство и всю важность добродѣтели.

Вальмье не ходилъ уже къ го-

спожѣ Лормессанъ, и даже удаленъ былъ отъ всѣхъ собранiй. Злополучiя, какъ бы связуемы цѣпью, влекутся всегда одно за другимъ. Несчастный юноша имѣлъ еще возможность удовлетворять склонности своей ко щедротѣ, сей главной чувствительныхъ душъ надобности, доколѣ самъ онъ восприимaлъ благотворенiя отъ Лоримона, заступавшаго ему мѣсто родителя; но и Лоримонъ сей умеръ, такъ что на содержанiе Вальмьево осталось малое только жалованье, отъ коего онъ съ нуждою имѣлъ пропитанiе. Новое сiе приключенiе вскорѣ разнеслось по Орлеану, благодаря безчеловѣчiю наслѣдниковъ Лоримоновыхъ, кои всѣ силы употребляли къ отнятiю у Вальмье и сего послѣдняго куска хлѣба, родственникомъ ихъ сиротѣ оному опредѣленнаго. Та-

кимъ образомъ явно стало, что крайняя нищета вскорѣ постигнетъ несчастнаго юношу: ибо склонность къ благотворенїю завлекла его во многїе долги, коихъ строгое взысканїе угрожало ему темничнымъ заключенїемъ. Нѣкогда рано по утру вошелъ къ нему незнакомый человѣкъ, принесшїй мешокъ денегъ и писмо, котораго почеркъ узналъ Вальмье съ перваго взора.

,,Свѣдавъ что новыя удручаютъ ,,васъ, государь мой, несчастїя, ,,симъ воспоминаю вамъ, что хотя ,,любовница и принуждена была ,,измѣнить себѣ и прервать всякое ,,съ вами обхожденїе, однакожъ ,,остался еще въ ней искреннїй ,,вашъ другъ, который предлагая ,,слабое ненарушимой во вѣкъ дружбы своей доказательство, про- ,,ситъ васъ принять отъ вручите-

,,ля сего тысячу золотыхъ экю.,, Въ тужъ минуту человѣкъ сей подаетъ деньги Вальмьѣ; но онъ изъявивъ негодованіе отрѣваетъ руку подателя: — Отнесите обратно деньги сіи, уничижающія меня паче самаго злополучія, коимъ люди низкіе не стыдятся меня укорять, и донесите госпожѣ Лормессанъ, что сожалѣніе ея пріемлю себѣ совершеннымъ ругательствомъ, и никогда не снесу толикой обиды. Теперь я не состою уже въ службѣ; изгнанъ изъ общества, нищь, отверженъ, и можетъ быть скоро повлеченъ буду въ темницу, за то что повиновался паче мѣры чувствительности моей и одолжалъ чудовищъ неблагодарныхъ. Но . . . но я не лишился еще сердца, могущаго и ненавидѣть и презирать человѣковъ; не лишился рукъ, помощію коихъ могу раздирать

нѣдра земли, да извлеку отъ нея пищу. И какъ я есмь творенїе самимъ собою произведенное, неимущее ни родителей ни друзей, то и не хочу оныхъ имѣть, и не желаю ни отъ кого быть одолженнымъ. Скажите ей, что она столь тяжкое приключила мнѣ мученїе, которое и безъ прибавленїя къ нему милостей довольно меня сокрушаетъ. (Незнакомый хотѣлъ было возражать.) Не хочу болѣе слушать. Пусть она забудетъ меня, пусть меня забудетъ . . . такъ какъ и я хочу ее забыть.

Дѣвица Ермански, увѣдомившаясь о новыхъ пораженїяхъ, постигшихъ несчастнаго Вальмье, спѣшитъ въ тайнѣ отъ дяди своего къ госпожѣ Лормессанъ. — Прошу, любезный другъ мой, на полчаса уединеннаго съ тобой разговора; удали окружающихъ тебя, и поз-

воль остаться мнѣ съ тобою безъ свидѣтелей. Вдова приказываетъ служащимъ своимъ удалиться; Елеонора продолжаетъ: — Скажи мнѣ съ тою же откровенностїю, каковой опыты я подать тебѣ намѣрена, еще ли любишь ты Вальмье? — Признаюсь, что Вальмье вселилъ въ меня такое чувствованїе, которое съ трудомъ могу преодолѣть; но все принуждаетъ меня потушить сей пламень, коего ни родственники мои, ни общество, ниже сама я не одобряю. Не должно вооружаться на общее мнѣнїе: самый разумъ повелѣваетъ ему уступить. Все что я могу, могу только жалѣть о Вальмьѣ; и хотя вѣдаю сама, что онъ достоинъ почтенїя и любви, но незаконное рожденїе его противуполагаетъ вѣчную союзу нашему преграду, и я со стономъ отре-

клась удовольствія съ нимъ видѣться. — Такъ ты не выдешь за него? и ... никогда не совершишь сего союза? — И думать о томъ не должно. Я повинуюсь, дражайшая Елеонора, лютому обществу, которое чувствованія наши въ жертву себѣ закалаетъ. Ежели бы Вальмье удовольствовался только дружбою моею, такъ менше бы я скорбѣла о разлукѣ. Увѣдомясь что новыя постигли его злополучія, писала я къ нему и посылала было деньги; но онъ съ яростію отвергнулъ ихъ. — Ты тѣмъ его обидѣла, душа моя! дружество ... не то же есть что любовь. И такъ Вальмье несчастенъ? — Поверженъ, какъ сказывали мнѣ, въ крайнюю нищету. — А ты и въ семъ бѣдствіи его не любишь? — Я уже сказала тебѣ, что приношу себя въ жертву пристойности, обще-

ству, должности моей . . . такъ мой другъ, должности. Въ твои лѣта, жизнь моя, не умѣютъ разсуждать, а повинуются только сердцу . . . — И безъ всякаго сомнѣнія я послушала бы его; бывъ на твоемъ мѣстѣ, сердце мое предала бы совершенно сему толико достойному любви человѣку. Ахъ сударыня! не такимъ образомъ предлагаются благотворенія!

Дѣвица Ермонси вознамѣрилась было сначала признаться въ страсти своей; но услышавъ сіе сокрыла ея восторги. Удаляся отъ госпожи Лормессанъ, составляетъ въ умѣ своемъ такое предпріятіе, которое нетерпѣливо исполнить стремится. Несчастіе и бѣдность, угрожающія любезному ея Вальмьѣ, непрестанно мечтаются ея воображенію. Воспитанная въ благоразуміи, котораго внушеніямъ

слѣдовала до сея минуты, не способна была она учинить проступокъ; но мы сказали уже, что любовь часто воспрїемлетъ на себя черты добродѣтели, и созерцамая въ семъ образѣ становится, а наипаче въ сердцѣ женскомъ, нѣкоторымъ родомъ неистовства, влекущаго въ самыя непростительныя заблужденїя. Дѣвица Ермански предпрїемлетъ послать къ Вальмьѣ писмо; но вскорѣ отвергаетъ мысль сїю, какъ оскорбляющее честность неразумїе, и о способахъ произведенїя въ дѣйство намѣренїй своихъ борется сама съ собою. Блаженна бы была, когдабъ возмогла себя побѣдить!

Предавшаяся чрезмѣрнымъ возмятенїямъ души чувствительная Елеонора, въ провожанїи горнишной ея служительницы бѣжитъ углубить размышленїя свои во

мракъ уединеннаго гульбища. Солнце склонялось уже къ западу; вдругъ слышитъ она издали знаменующія лютую печаль тяжкія воздыханія, и видитъ погруженна въ горести молодаго человѣка. Сидя на каменной скамьѣ оперся онъ головою на обѣ руки; наружность его изображала бѣдствіе: ибо рѣдко бѣдствіе во внутренности человѣка скрывается. Елеонора подвигнута сожалѣніемъ идетъ къ сокрушающемуся нѣсколько шаговъ; подходитъ ближѣ; и когда онъ поднялъ голову, вопіетъ: — Боже мой! это Вальмье! . . . Юлія, (сказала оборотясь ко слѣдовавшей за нею служительницѣ) пожди меня здѣсь . . . мнѣ надобно поговорить . . . въ минуту возвращусь. Подступя потомъ къ Вальмьѣ: — Это вы, сударь! и въ какомъ нахожу васъ положеніи! . . . вы стонете? —

Ахъ милостивая государыня! вы пріемлете въ злополучіи моемъ участіе? такъ не подобны вы прочимъ окружающимъ меня существамъ, кои пронзаютъ мнѣ сердце? Вы не поставляете мнѣ въ злодѣяніе . . . — Въ злодѣяніе, сударь? въ злодѣяніе? но я почла бы себя виновнѣйшимъ твореніемъ, когдабъ не воздала вамъ должныя справедливости, когда бы не сострадала вамъ . . . вамъ, который достоинъ всякаго почтенія . . . участвованія нѣжнѣйшаго. — Ахъ сударыня! всѣ мнѣ измѣнили, всѣ оставили меня; самая госпожа Лормессанъ . . . О Боже! какое воображеніе! Должноль мнѣ ее воспоминать? . . . Ахъ! должно истребить изъ памяти дражайшія черты ея . . . — Такъ вы ее и теперь любите? — Сердце, сударыня, не перемѣняется по волѣ нашихъ же-

ланій . . . Хотя и все принуждаетъ меня забыть сію женщину . . . но она обладаетъ моею душою. (Произнеся сіе Вальмье пролилъ слезы.) Сами видите, сударыня, колико я пораженъ! Стыдился бы я сихъ чувствительности знаковъ, когда бы не васъ имѣлъ свидѣтельницею . . . — Но вы знаете, сударь . . . вы совершенно увѣрены, что она колебалась дать вамъ руку . . . — Скажите, сударыня, что отказала; въ томъ убѣжденъ я безъ малѣйшаго сомнѣнія; но я никогда и не льстился такимъ благополучіемъ: ибо самъ прежде всѣхъ усмотрѣлъ причины воспрещающія мнѣ всякую надежду къ брачному союзу. Не употребилъ бы я во зло нѣжную слѣпоту любви: самъ бы отказался; но желалъ только, чтобъ не госпожа Лормессанъ первая напомнила мнѣ о препятствіи, ко-

тораго непреодолимость зналъ я совершенно! Она усугубила несчастія моего мучительность! ея рука нанесла мнѣ смертельный ударъ! . . . Мужественно претерпѣлъ бы я неправосудіе, вѣроломство, лютость всея вселенныя; но отъ того кого любишь, кого почитаешь равно божеству . . . Ахъ сударыня! конецъ претерпѣваемыхъ мученій моихъ есть только гробъ единъ, который вскорѣ и откроется къ воспріятію несчастнаго. Всего я лишился: не имѣю ни друзей, ни утѣшенія. Злополучный! въ какомъ лютомъ лонѣ почерпнулъ я бытіе свое! — Нѣтъ, сударь . . . нѣтъ, Вальмье, не думай . . . не могу я ничего предосудительнаго сказать о госпожѣ Лормессанъ: моя къ ней преданность . . . Будь однакожъ увѣренъ, что есть и такія женщины, кои не

зависятъ отъ предразсудковъ народныхъ . . . Она увѣдомила меня, что недостатокъ содержанія усугубляетъ бѣдствіе ваше . . . что вы отринули ея даръ, который она предлагая вамъ благополучною себя поставляла. — Даръ, сударыня! даръ отъ госпожи Лормессанъ! О! толикой обиды никогда ей не прощу . . . Пусть она лишитъ меня любви своей, дружества, почтенія; но толькобъ не простирала презрѣнія своего ко мнѣ до того, чтобъ одолжать меня . . . — Но ежели неимущество . . . Не терзаетъ ли васъ бѣдствіе сіе и до нынѣ? — Безъ сомнѣнія, сударыня . . . я сотворенъ на всѣ несчастія . . . и жестокому жребію своему подвергаюсь безропотно. Бывъ нѣкогда въ блаженномъ состояніи оказывать ближнимъ моимъ малыя услуги, полу-

чаю нынѣ въ возмѣздіе того неблагодарность, всеобщее забвеніе, отриновеніе! . . . Вы смягчаетесь, сударыня? . . . Я могу презирать всѣ злоключенія ужасы; бѣдность не устрашитъ меня и не унизитъ . . . Увы! испытавъ уже толико золъ, можно легко сносить бремя нищеты; покрайней мѣрѣ умру во мракѣ невѣдомый, и сего только ожидать мнѣ остается. Уже ничего не имѣю уповать отъ человѣковъ, не имѣю ничего отъ нихъ требовать; пусть они забудутъ меня: я имъ сіе прощаю. — Выслушайте меня, государь мой, ахъ! выслушайте! . . Чувствую, что предпріемлемый мной поступокъ . . . Но я покоряюсь владычествующей мною силѣ. О достойнѣйшій всякаго почтенія человѣкъ! познай таинство мое . . . Вальмье! я люблю тебя, люблю страстно!

Никогда бы не узналъ ты сего таинства, ежели бы госпожа Лормессанъ не отреклася счастія твоего устроить. Знаю, что она и донынѣ тебѣ любезна; не обольщаю себя противнымъ тому помышленіемъ; не хочу налагать на тебя тяжкихъ законовъ . . . Но неужели отречешься быть другомъ моимъ? . . . Какъ другу предлагаю тебѣ сердце мое, руку . . . — Что вы говорите, сударыня? — Будь супругъ мой, прими участіе въ иждивеніи моемъ, прими всю мою нѣжность; а я ласкаюсь что со временемъ пріобрѣту оную и отъ тебя . . . Отсюда же бѣгу открыться во всемъ моему дядѣ: онъ конечно утвердитъ волю мою своимъ согласіемъ. Не противополагай мнѣ ничего: не хочу ничего слушать . . . Теперь удаляюсь отъ тебя для того, что бы принять

отвѣтъ твой въ присутствіи моего опекуна. Помни, что въ сіе мгновеніе я токмо дружбы твоей желаю: она и наградитъ несчастную любовь мою!

И въ самомъ дѣлѣ Вальмье не имѣлъ времени отвѣчать; Елеонора сокрылась отъ глазъ его, и сошедшись съ Юліей спѣшила предстать опекуну. — Не намѣрена я васъ обманывать: я встрѣтила теперь несчастнаго Вальмье, и не могла противустоять влекущему меня чувствію. Признаюсь, нарушила я всякую благопристойность, всѣ обряды общежитія . . . но онъ явился мнѣ толь злополученъ! . . . и я открыла ему то, что должнабъ была хранить въ тайнѣ; обѣщалась даже, что стану просить согласія вашего на бракъ . . . — Чтобъ, я благословилъ такой союзъ! возопилъ дядя въ ярости.

Прежде исторгну жизнь твою. Чтобъ племянница моя стала женою человѣка безчестнаго! . . . — Что же есть такое честь, когда Вальмье ее не имѣетъ? Нѣтъ, дядюшка, вы не захотите быть моимъ убійцею; горесть и отчаяніе повергнутъ меня во гробъ. Любовь моя тѣмъ паче усиляется, чемъ болѣ восхищаюсь я мыслію, что могу составить счастіе возлюбленнаго мнѣ предмѣта. И осталось ли иное средство къ отмщенію за добродѣтельнаго человѣка несправедливой судбинѣ, которая съ толикою жестокостію гонитъ невинность? . . . Ахъ! онъ падетъ подъ бременемъ золъ своихъ.

Нѣжная дѣвица Ермански повергается къ ногамъ дяди своего, объемлетъ его колѣна, орошаетъ слезами, какъ въ тожъ время возвѣщаютъ о приходѣ къ нимъ Вальмье.

Молительное положенїе Елеонорино вразумляетъ его о сопротивленїи дяди, къ которому онъ обратяся говоритъ: — Государь мой, пришелъ я сюда не для употребленїя во зло щедротъ вашей племянницы. Ея великодушїе наполняетъ меня благодарностїю; но къ награжденїю толь рѣдкаго поступка, всякое благодаренїе мое будетъ недостаточно. Такъ, сударыня! вы зрите во мнѣ человѣка исполненнаго признательности, исполненнаго вашими благодѣянїями. Знаете вы, что я обожаю госпожу Лормессанъ; но влїянное вами въ душу мою почтенїе равняется можетъ быть сей ослѣпленной страсти. Толь драгоцѣнное мнѣ почтенїе сохранить потщусь на вѣкъ, и для того не хочу теперь воспользоваться превосходнымъ онымъ чувство-

ванїемъ, котораго навсегда достойнымъ быть желаю. Не прилично мнѣ сопрягать участь свою съ кѣмъ бы то ни было: такъ судите сами, могу ли принять предлагаемую мнѣ вами руку? . . Мнѣ должно оставаться отдѣленну на землѣ. Преданный всенародному презрѣнїю, продолжалъ Вальмье плачевнымъ голосомъ, хотя и употреблялъ до сихъ поръ все къ прїобрѣтенїю общественныя благосклонности, не опасайтесь, государь мой, чтобъ я старался искать союза, который по всѣмъ видамъ согласїя вашего не будетъ удостоенъ. Увольте меня отъ дальнѣйшаго объясненїя . . . оно страданїе мое усугубитъ. Живите благополучно, сударыня. Будьте увѣрены, что прелестная Елеонора вѣчно обитать будетъ въ моей памяти; прїятности ея, до-

бродѣтели и великодушіе героическое навсегда въ душѣ моей пребудутъ, и можетъ быть произведутъ забвеніе о такой женщинѣ, отъ коей я на всю жизнь мою отрещися долженъ.

Стѣсняя въ груди смущеніе свое юноша удаляется. Елеонора предается лютой горести, которая наипаче терзаетъ ее, когда узнала что Вальмье скрылся изъ города и не живетъ уже въ Орлеанѣ. Повержена въ мрачную печаль, низводящую ее во гробъ, ощущаетъ она для того только бытіе, что бы погребстись во мракъ монастыря, и во всемъ пространствѣ міра не возсылаетъ уже обѣтовъ своихъ никому, кромѣ могущаго воспріять слезы ея Бога. Дядя учинился ей несносенъ; однакожъ часто посѣщаетъ ее, и не взирая на ревностныя прозбы старается

удалить минуту вѣчнаго ея олтарю посвященія.

Венеціяне, учинившіеся во время сіе страшны силою, достойною противустать первымъ въ Европѣ государямъ, навлекли на себя гнѣвъ Людовика XII го. Сей толико же мужественный, коль мало искусный въ политикѣ монархъ, внесъ тогда войну въ сердце тордѣливой оной республики. Аньядельское сраженіе увѣнчало успѣхами бранные его подвиги: въ немъ явилъ онъ себя великимъ полководцемъ, и неустрашимымъ воиномъ. Нѣкіе изъ придворныхъ представляли ему страхъ опасностей, въ кои мужество его завлекаетъ, и просили, чтобъ менѣ онымъ подвергался. „Ничево, отвѣчалъ Людовикъ; кто боится опасностей, тѣ пусть скрываются „за мной.„ Сіи о здравіи королев-

скомъ безпокойствія были и не безъ основанія. Единъ изъ сопротивныхъ воинъ направилъ самострѣлъ прямо на короля; но вдругъ нѣкто незнаемый расторгаетъ ряды Французскіе, стремится къ стрѣлометателю, достигаетъ его, и единымъ ударомъ меча повергаетъ къ ногамъ своимъ мертва. Людовикъ усматриваетъ мужественный сей подвигъ, и благодарностію исполненный вопіетъ чтобъ даровали жизнь его спасителю, котораго непріятели покрыли уже язвами; предлагаетъ потомъ и выкупъ, достаточный ко прельщенію корыстолюбія. Альвіанъ, полководецъ Венеціянскій, возвращаетъ незнаемаго ко своимъ, коего издыхающа приносятъ въ королевскую ставку. Не нашлось на немъ никоего отличительнаго знака, по которому бы

можно было уразумѣть чинъ его по службѣ. Произнесенное имъ слабымъ голосомъ, были только сїи слова: Государь! колико вамъ я одолженъ . . . могу умереть у ногъ моего монарха! Вскорѣ потомъ изъ ранъ его лїется токомъ кровь, и онъ лишается языка. Чувствительнѣйшїй и паче всѣхъ человѣкъ благотворный монархъ, непремѣнно желаетъ чтобъ израненный воинъ сей остался въ шатрѣ его, и повелѣваетъ пещись объ немъ какъ о самомъ себѣ. Собственные врачи королевскїе получили приказъ о его излѣченїи.

Вскорѣ удостовѣрили государя, что раны незнаемаго хотя и опасны, однакожъ не смертельны. Людовикъ нетерпѣливо желая вѣдать имя спасшаго жизнь его, воспользовался первою минутою, доставившею больному облегченїе,

дабы удовлетворить своему любопытству. Ваше величество, сказалъ незнаемый, желаете вѣдать такое обстоятельство, которое мало весма вниманія вашего достойно. Я имѣю честь быть вашимъ подданнымъ; родомъ Французъ; исполнилъ я должность мою, и щедро за то уже награжденъ, когда государь мой воззрѣлъ благоволительнымъ окомъ на такое дѣяніе, которое и всякой бы на мѣстѣ моемъ будучи совершилъ, естьли бы усмотрѣлъ только угрожающую величеству вашему опасность. Впрочемъ соблаговолите, всемилостивѣйшій государь, чтобъ умолчалъ я дальнѣйшія обстоятельства. Существованіе мое не достойно великаго вниманія: ибо я, примолвилъ воздыхая горестно, никакого не имѣю. Пораженный послѣднимъ изреченіемъ онымъ Людовикъ, же-

лаетъ подробнѣйшаго изъясненія; незнакомый отвѣтствуетъ: Повинуюсь, государь, когда ваше величество удостояете изъявить нѣкоторое участіе въ пользу злополучнѣйшаго изъ человѣковъ. Имя мое есть, Вальмье; подъ знаменами вашими служилъ я въ званіи офицера, и ласкался, что ревностію моею и любовію къ службѣ, учинюсь званія онаго предъ лицемъ всѣхъ сверстниковъ моихъ достойнымъ; но мое рожденіе... — Что же? — Государь, продолжалъ Вальмье заливаясь слезами, рожденіе мое незаконно; узнали оное, и извергли меня изъ общества; я принужденъ былъ повиноваться толь неправедному изгнанію, и вышедъ изъ полку погрузиться во мракъ неизвѣстности. — ,,Другъ мой, вскричалъ рыцарь Баярдъ, находившійся въ

„числѣ окружающихъ короля вель-„можъ, кленусь святымъ Дїонисї-„емъ, что то страмцы, кои припи-„сываютъ тебѣ это въ укоризну, „и я готовъ убѣдить ихъ въ томъ „шпагою. Вѣрь мнѣ, и не ставь се-„бѣ въ безчестїе когда назовутъ „тебя *незаконорожденнымъ*: ибо „что того лучше какъ быть сы-„номъ собственныхъ своихъ дѣя-„нїй. По этому и почтенный „Дюноа хуже былъ сына закон-„наго?„ — Милостивый государь, отвѣтствовалъ Вальмье, знаменитый Дюноа не состоялъ въ числѣ гражданъ обыкновенныхъ. Потомъ продолжалъ свое сказанїе: Поверженный бѣдствїемъ симъ въ отчаянїе, возненавидя изгнавшее меня изъ лона своего общество, и не въ силахъ однакожъ потушить въ себѣ жара ко браннымъ подвигамъ и къ службѣ вашего ве-

личества, послѣдовалъ я, государь, за войсками вашими въ качествѣ вольнослужащаго, надѣясь, что можетъ быть отреченный мнѣ въ жизни лучь славы, данъ будетъ покрайней мѣрѣ при смерти. — Ты не умрешь теперь, съ сердоболіемъ отвѣчалъ король: толь мужественный юноша достоинъ жить къ воспріятію должныя награды, которую и получитъ. Отреклись отъ тебя родители твои: пусть такъ! но король Французскій будетъ отцемъ твоимъ. Вальме собралъ силы повергнуться къ ногамъ монаршимъ, и оросить ихъ слезами. Встань, продолжалъ король; даю тебѣ чинъ капитана. — Толикой чести, государь, я не заслужилъ; но дерзаю просить милости, чтобъ позволили мнѣ служить вамъ безъ всякаго чина. Желаю только, есть-

ли небо продолжитъ бытїе мое, посрамить варварство и неправосудїе едиными подвигами, кои бы достойны стали благоволенїя моего монарха. — Хорошо, другъ мой; на нѣкое время исполню твое желанїе; соглашаюсь чтобъ не носилъ ты никакого чина; но позволь мнѣ однакожъ нарещи тебя *солдатомъ королевскимъ*, и присовокупить къ сему отличїю жалованье по тысячѣ ливровъ на годъ.

Сїе толь славное для Вальмье произшествїе вскорѣ молва донесла до Орлеана. Дѣвица Ермансии внѣ себя отъ радости, превозносится внутри сердца своего выборомъ толь достойнаго, нѣжность ея оправдавшаго человѣка. Чтожъ слѣдуетъ до госпожи Лормессанъ, сей хотя и всегда Вальмье былъ любезенъ, но она сокрыла чувствїя свои, и безъ вся-

кія скромности отдалась вовласть нелѣпаго ожесточенія, которое отнюдь въ пользу молодаго человѣка онаго не умягчалось: толь мало сильный предразсудокъ взираетъ и на самихъ государей! Званіе *солдата королевскаго* не могло изгладить мнимаго породы его безчестія. Самъ Вальмье весма былъ въ жестокой истиннѣ сей удостовѣренъ: зналъ онъ, что народъ поставлялъ себѣ въ нѣкое варварское удовольствіе, когда могъ только отвергать благоволенія двора; однакожъ рѣшился противустоять, ежели можно употребить сіе выраженіе, оному всеобщаго гоненія духу; рѣшился являть себя повсюду; всѣмъ возвѣщать безъ укрытія рожденія своего неизвѣстность; рѣшился побѣдить лютое и отчужденное разсудка предъубѣжденіе сіе дѣя-

нїями благотворенїя, мужества и великодущїя, и напослѣдокЪ прїучить кЪ себѣ оныхЪ тигровЪ, тѣмЪ паче лютѣйшихЪ, чемЪ болѣ мнятЪ они о себѣ, что просвѣщены лучами разсудка и вѣжества. Вальмье предпрїявЪ сїе намѣренїе и исполняетЪ; но ежели бы кто углубился во внутренность души его, ежели бы разсмотрѣлЪ кто всю сокровенность помышленїй, увидѣлЪ бы, что самЪ онЪ порабощенЪ былЪ сему чудовищному предразсудку. Не взирая на всѣ излїянныя на него королемЪ благодѣянїя, мрачная тоска пожирала существо его. Коль непостижимо есть творенїе человѣкЪ! Неужели удостовѣренїя совѣсти не довлѣетЪ ему? неужели ради душевнаго спокойствїя своего, ради почтенїя самаго себя, ради безмятежной его жизни, потребно мнѣнїе дру-

тихъ? Существованіе мечтательное можетъ ли привесть въ ничтожество истинное существованіе наше?

Сіе толь ложное, толь лютое людское мнѣніе, налагало тяжкое бремя на бѣднаго Вальмье; однакожъ собралъ онъ столько мужества, чтобъ возвратиться на прежнее жилище: для того ли, что влекомъ туда былъ любовію къ госпожѣ Лормессанъ, или для того, что лестно ему было явиться тамъ облеченну славою: ибо оная служила ему нѣкоторымъ образомъ въ возмѣздіе обидъ претерпѣнныхъ имъ въ такомъ городѣ, гдѣ онъ, буде можно такъ сказать, уничтоженъ былъ всеобщимъ презрѣніемъ. Не возможно было отрещи ему пріема въ общество людей благородныхъ: *королевскій солдатъ* всегда уважаемъ былъ съ

отличностїю; но всегда однакожъ помнили, что то неимѣющїй родителей Вальмье. Уничиженный такимъ мнѣнїемъ, изъяснялъ онъ горесть свою въ присутствїи дѣвицы Ермански, которая ради возвратнаго прибытїя его въ Орлеанъ отложила намѣренїе свое сочетаться олтарю. Вальмье учащая къ ней посѣщенїями, тщился почерпать отъ разговоровъ ея тотъ утѣшительный разумъ, который начиналъ уже въ душѣ его оскудѣвать. — Такъ, сударыня, признаюсь вамъ, что больше я достоинъ теперь сожалѣнїя, нежели былъ прежде, хотя и стараюсь прикрыть наружность свою принужденною твердостїю. Неизвѣстность рожденїя моего превращаетъ мнѣ въ ядъ и самыя монарха моего щедроты, которыхъ сладость вкушалъ бы я съ неизре-

ченнымъ восхищенїемъ, ежели бы всегда присутственная уму жестокая мысль не раздирала внутренности моей, что я есмь сынъ зазорный, то есть извергъ человѣческаго рода, творенїе гнѣва небесъ. Вы предлагаете мнѣ руку, сударыня; но естьлибъ былъ я и король, не принялъ бы ее лишенный блага, вкушаемаго послѣдними изъ смертныхъ: ибо они имѣютъ счастїе знать своихъ родителей. Рожденный въ нижайшемъ состоянїи, я самъ возвелъ бы на степень знаменитости родъ мой; но теперь погруженъ въ небытїе, въ посрамленїе . . . такъ сударыня, въ посрамленїе! . . . При словѣ семъ слезы являются на глазахъ его. — Когда ты не можешь быть супругомъ моимъ, пресѣкла рѣчь его Елеонора, то и никто не будетъ: сїе намѣренїе мое объявила уже я

дядѣ. Можетъ быть нынѣ и не восчувствую уже толикаго удовольствїя вступя съ тобою въ бракъ, который ты столь упрямо отвергаешь: тогда былъ ты несчастенъ, и я могла стать тебѣ полезною; но теперь оказанныя тебѣ благоволенїя отъ двора... А сверхъ того, Вальмье, ты все еще любишь госпожу Лормессанъ? — Долженствую признаться, сударыня, что и донынѣ чувствую къ ней любовь, сїю слѣпую страсть, которая тогда только и становится прозорливою, когда вы ее вдыхаете; чувствую, что производимое вами почтенїе мало разнится съ нѣжностїю, и что почтенїе сїе дойдетъ со временемъ до высочайшїя степени. Но когда бы и совершенно забылъ я неблагодарную, отнюдь сравниться съ вами недостойную женщину, не-

ужели думаете, сударыня, чтобъ восхотѣлъ сочетать бѣдственную часть мою съ вашимъ благосостоянїемъ? Вотще простираетъ ко мнѣ государь благотворныя взоры: я не могу быть мужемъ вашимъ: таковый союзъ воспрещенъ мнѣ навсегда. Увы! мысль сїя приключитъ мнѣ смерть! Никакое уже счастїе на земли для меня не существуетъ! О божественная Елеонора! такъ не прїобрѣтетъ уже Вальмье сего отъ человѣковъ почтенїя, безъ коего жизнь есть ничтожество, или лучше сказать мученїе безпрерывное? Чемъ болѣ буду я извѣстенъ, тѣмъ паче страдать стану отъ лютой странности моего рока; чемъ болѣе возрастетъ число вѣдающихъ о отриновенїи меня родителями . . . О жестокое, жестокое осужденїе! ты налагаешь на

меня законъ, который собственное сердце мое оправдаетъ!

Во время пребыванія Вальмье въ Орлеанѣ, бѣдная нѣкая женщина всегда слѣдовала по стопамъ его, и на улицахъ и на гульбищахъ. Подъ наружностію крайней ея нищеты, являлись знаки подающіе мысль, что несчастная сія не сотворена для толь бѣдственнаго состоянія. Взоры ея непрестанно устремлялися на Вальмье; иногда слышны были исторгающіяся изъ груди тихіе вздохи; глаза наполнялись слезами. Молодой человѣкъ сей замѣтилъ ея къ себѣ привязанность, и даже произвела она въ немъ родъ нѣкоего сожалѣнія; но созерцаніе собственнаго бѣдствія вскорѣ отвратило его отъ толь горестнаго предмѣта. Великое несчастіе уподобляется въ семъ случаѣ великому благополу-

чїю: ибо заемлется самимъ только собою. Нѣкогда Вальмье вошелъ въ церковь; бѣдная женщина сїя не укоснила и туда притти по слѣдамъ его: входитъ и становится близъ него; безпрестанно на него взираетъ и тяжкїя износитъ воздыханїя. Потомъ приближается къ нему, какъ будто бы въ намѣренїи нѣчто сказать; но вмѣсто того потупляетъ взоръ и заливается слезами. Напослѣдокъ вскричавъ скорбнымъ голосомъ упадаетъ въ безчувствїе. Мгновенно Вальмье устремляется къ ней и тщится подать помощь. Окружающее ихъ многолюдство изъявляетъ презрительное хладнокровїе. Какъ! вопїетъ юноша; неужели никто не хочетъ подать несчастной помощи? и развѣ одинъ только я поражаюсь горестнымъ ея состоянїемъ? — Въ то же время упо-

требляетъ всѣ средства къ возвращенію ей жизни. — Что вы дѣлаете, сударь, сказалъ ему одинъ изъ присутствующихъ? Знаете ли что это за тварь? Слухъ носится, что она жена какова-то злодѣя, казненнаго смертію — И хотя бы она женою была беззаконнѣйшаго всѣхъ человѣкъ, отвѣчалъ Вальмье съ негодованіемъ, такъ неужели должно оставить ее умереть безъ помощи? Почто ее наказывать за мужни злодѣянія?... Варвары! вотъ еще новое доказательство несправедливости, доказательство жестокости вашей! ... Отойдите же, удалитесь отсель: я одинъ приму на себя трудъ, въ которомъ вамъ должно бы со мною препираться.—Вскорѣ по семъ беретъ несчастную женщину на руки, и относитъ въ домъ, который показываютъ ему

почитая ея пристанищемъ. Пришедъ къ оному, узнаетъ что занимаетъ она каморку въ пятомъ жильѣ, и всходитъ туда съ своимъ бременемъ. Гнѣздилище оное нищеты поражаетъ удивленные его взоры; душа его пронзается жалостiю; являющаяся однакожъ повсюду опрятность просвѣщаетъ сiе неимущества позорище. Женщина открываетъ глаза, и упавъ паки на грудь Вальмье прижимаетъ его къ сердцу своему. Напослѣдокъ прерываемыя рыданiями произноситъ съ трудностiю сiи слова: — Государь мой! . . . могу ли вѣрить глазамъ моимъ? вы ли это? вы ли? . . . Ахъ какое милосердiе! — Соберите силы, сударыня; а что до меня, поистиннѣ не поставляю себѣ въ великое достоинство мою чувствительность. Уже испыталъ я злополучiе во всей

его лютости, и потому могу ли не сожалѣть о бѣдствіи ближняго? Знаю по себѣ коль человѣконенавистно предразсужденіе! — Ахъ, государь мой! . . . ежели поражаетъ васъ несчастіе другихъ, такъ никто, никто не достоинъ толико сожалѣнія вашего какъ я. Участь моя въ злополучіи безприкладна! — Источники слезъ полились изъ глазъ ея; но она продолжаетъ. — Не скрою отъ васъ, что взоръ вашъ . . онъ драгоцѣненъ мнѣ . . . утѣшителенъ; вы только одни . . . Ахъ! неоспорима истинна, что мужъ мой . . . Рыданія задушаютъ голосъ ея, и она не можетъ болѣе произнести ни единаго слова. — Отвратимъ зрѣніе наше отъ сего предмѣта, прерываетъ Вальмье; думать надобно что мужъ вашъ одинъ совершилъ преступленіе; но что бы распро-

странять и на васъ поношеніе, долженствующее наказывать только виновнаго, сіе поставляю такимъ неправосудіемъ, которое вооружается на саму природу. По всему конечно ощутительно, что вы всякія жалости и вспомоществованія достойны; но увы? не одна ты, сударыня, приносишься въ жертву сего непреклоннаго предразсудка: не гонитъ ли предразсудокъ сей и меня? . . . Родители мой . . . — Ахъ! не обвиняйте родителей вашихъ: можетъ быть они принуждены были . . . Подумайте, сударь, надобно что бы весма важныя причины подвигли мать . . . О коль ужасно мое положеніе! — Достойная почтенія несчастливица! позволь мнѣ умѣрить лютость бѣдствія твоего. Положись на усердіе мое, на попечительность . . . — Какъ! вы

хотите быть моимъ благодѣтелемъ!... О Боже, подкрѣпи немощь мою! Бываютъ бѣдствія жесточайшія и самой нищеты, ежели нужда заставляетъ насъ пожирать иногда восторги души нашей... Но не могу болѣе.... — При словѣ семъ многіе изъ сосѣдей входятъ въ комнату, и препятствуютъ женщинѣ продолжать. Повергается она въ унылое безмолвіе, и Вальмье обѣщавъ притти къ ней какъ можетъ скоряе, удаляется, неся отъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ стѣсненную душу. Необиновенно беретъ онъ несчастную женщину сію въ свое покровительство, и даже изъявляетъ гнѣвъ на сихъ безчеловѣчныхъ невѣждъ, кои возвергаютъ на невинность казнь злодѣянія. — Не довольно ли она и безъ того растерзана, говорилъ Валь-

мье, однимъ воспоминанїемъ мучительнаго ея бѣдствїя! Неужели поверженную во ужасъ нищеты должно еще поражать и убивственными стрѣлами презрѣнїя? Колико пронзенъ я несчастїемъ ея! О! я все употреблю, что только есть въ моей возможности къ облегченїю ея горестей.

Дѣвица Ермանси раздѣляла Вальмьевы чувствованїя въ пользу оной женщины. Но онъ горя нетерпѣнїемъ вторично ее увидѣть, спѣшитъ къ ней съ собранными на помощь ея деньгами. — Примите, сударыня, слабое сїе засвидѣтельствованїе участїя, каковое всякїй чувствительный смертный въ бѣдствїи вашемъ прїемлетъ, и будьте увѣрены, что я не останусь при толь малой услугѣ. Много есть родовъ одолженїя, кои превосходятъ иногда и самыя даже

дары счастія. Сердце мое преисполнено плачевнымъ вашимъ состояніемъ! — Добродушная женщина платила ему благодарными только слезами. — Отъ кого, о небо! отъ кого получаю я благодѣяніе . . . самую жизнь! . . . Вы удерживаете въ тѣлѣ послѣдній вздохъ мой: я изнемогала уже отъ бѣдности, отъ глада . . . но увы! коль мало еще изъясняетъ сіе восторгъ благодарности . . . восторгъ души моей! . . . Ахъ! ежели бы могли вы провидѣть мою внутренность! . . . — Вы уже и наградили меня: ибо доставили мнѣ неизреченное удовольствіе. Коликое блаженство, коликую сладость вкушаемъ утирая слезы злополучныхъ! . . Вы приводите собственныя горести мои въ забвеніе . . . — Неужели не уменшились онѣ счастливымъ приключеніемъ,

возведшимъ васъ на верхъ славы? — Славы! Слава не даруетъ родителей, не даруетъ законнаго рожденія, сего участія последнихъ изъ человѣковъ . . . — Но не бываютъ ли и законныя дѣти стократъ несчастнѣя незнающихъ источника отъ коего онѣ пріяли бытіе свое? — Не могу вообразить ужаснѣе состоянія того человѣка, который не принадлежитъ никому, котораго отринули его кровные . . . — Но . . . ежели бы отецъ былъ таковъ, чтобъ должно было стыдиться называть его отцемъ . . . — Стыдиться называть отцемъ! Нѣтъ! должно употребить всѣ силы къ заглажденію его погрѣшностей и къ пріобрѣтенію законныхъ правъ, дабы почитали насъ за самихъ себя, а не за родителей; но не вѣдать происхожденія своего . . . видѣть себя лишен-

на услажденія облобызать мать свою . . . Вы плачете? — Ахъ! вѣрьте мнѣ . . . будьте несомнѣнны, что она восчувствовала бы лютѣйшее страданіе . . . ежели бы принуждена была . . . отъ избытка нѣжности принуждена была отринуть ваши объятія . . . — Что вамъ здѣлалось? Смертная блѣдность покрываетъ лицо ваше! вы упадаете на грудь мою . . . — Ахъ, государь мой! . . . Вальмье! есть у тебя . . . есть мать; и я . . . я имѣю сына . . . Признаніе сіе престоргнетъ жизнь мою . . . — Сына! . . . Неужели я нашелъ . . . — Умирающую мать твою, немогшую противустоять . . . Такъ, ты сынъ мой, и виновникъ дней твоихъ есть несчастный мой супругъ, побѣгъ коего спасъ отъ казни . . . которыя онъ отнюдь не заслужилъ; но законы назрекли его

преступнымъ; всѣ улики стали противъ него... Я не вѣдаю о его участи: долженствую всего страшиться... Конечно палъ онъ подъ бременемъ золъ своихъ, и ахъ! какъ возмогла я пережить его!... Превозносись теперь исторгнувъ изъ груди моей таинство! Сего дня позналъ ты родившихъ тебя; но, о великїй Боже! въ какихъ обстоятельствахъ позналъ! Послушай меня: предай приключенїе сїе вѣчному забвенїю! — Въ продолженїе сего и Вальмье лишился чувствъ; но опомнясь встаетъ стремительно, и прижавъ ее къ груди: — Ты мать моя! ты мать моя! Пусть познаетъ весь Орлеанъ... — Что ты предпрїемлешь? о небо! подумай какое поношенїе... — Довольно мнѣ что имѣю мать, которую могу прижать къ сердцу, которая будетъ другомъ

моимъ, въ нѣдро коей пролїю со утѣшенїемъ души моей чувствїя! И такъ имѣю теперь . . . имѣю родителей! . . . — И какихъ еще родителей! Ты долженъ жизнїю графу Реминвилю, дворянину знатнѣйшаго рода. Со славою служилъ онъ подъ знаменами великаго Дюноа, и возвратясь потомъ въ жилище предковъ своихъ, началъ вкушать сладости мира и брачнаго сожитїя, которое небо являлось будто бы осѣнило съ начала своею благодатїю. Нѣкто изъ сосѣдей нашихъ завелъ съ нами тяжбу о рубежахъ; но чрезъ краткое время найденъ убїенъ. Отецъ твой прежде того намѣревался биться съ нимъ на шпагахъ: и потому тотчасъ возложили на него вину сего убїйства. Поверженный въ темницу, въ коей и я раздѣляла съ нимъ ужасъ заключенїя, и при-

сужденный на смертную казнь, нашелъ онъ средство расторгнуть оковы; но не избѣгъ неизгладимаго ко имени нашему пригвожденнаго поношенія, которое истинную казнь составляетъ. Я разрѣшилась отъ бремени въ темницѣ, и ты былъ единый плодъ союза, свершеннаго въ предзнаменіяхъ ужаснѣйшихъ. Первое движеніе мое устремилось облобызать тебя, и оплакать ожидающій тебя жребій. Вскорѣ потомъ воззрѣніе на будущую часть твою поражаетъ меня ужасомъ; я приношу себя въ жертву необходимости; отрицаюсь отъ матеренскаго удовольствія утѣшаться однимъ тобою; вручаю тебя нѣкоторой изъ подругъ моихъ на попеченіе, испросивъ оное съ тяжкимъ самой себѣ насиліемъ; она беретъ тебя облїяннаго слезами моими на

руки, и покрытаго послѣдними лобзанїями, въ чемъ никто еще не могъ мнѣ воспрепятствовать, удаляетъ отъ очей моихъ и уноситъ изъ темницы. Казалось что ты простиралъ ко мнѣ младенческїя руки; но нужно было разлучиться съ тобою ради спасенїя твоего, ради избавленїя тебя отъ вѣчныя горести . . . что рожденъ отъ отца . . . Но ахъ! я увѣрена въ невинности его: напрасно его осудили. Отнесли тебя на крыльцо дома нѣкоего торговца, который почитался въ странѣ нашей примѣромъ благотворенїя; подруга моя не спускала тебя съ глазъ; благоугодно было небу, чтобъ господинъ Лоримонъ восчувствовалъ къ тебѣ любовь, и отверзъ къ воспрїятїю тебя сострадательное лоно. Коль скоро свободили меня изъ заклю-

ченія, устремила я взоры мои, всю душу на любезнѣйшаго мнѣ сына; и прилѣпленна, такъ сказать, ко стопамъ твоимъ, послѣдовала за тобой не будучи отъ тебя примѣчена и въ самый сей городъ. Забывала я нищету состоянія моего, когда срѣтала твои взоры; со услажденіемъ дыхала тѣмъ воздухомъ, который тебя питаетъ; увѣрена была что ты близъ меня существуешь: едина мысль сія, хотя и была я иногда лишенна твоего присутствія, умѣряла разлуки моей горесть и сохраняла жизнь мою. Страшное послѣдствіе, восхитившее отъ меня отца твоего, лишило меня и всего моего стяжанія, отъявъ всѣ къ пропитанію способы. Безъ тебя, любезный сынъ мой, умерла бы я отъ нищеты: уже приближалась къ послѣднему жизни мо-

ей часу. Много разъ нѣжность моя порывалась измѣнить моему таинству; но я предпріяла умереть не открывъ тебѣ того . . . что и должно непремѣнно сохранять въ неизвѣстіи. Заклинаю тебя, забудь, забудь, и ахъ! не воспоминай во вѣкъ что нашелъ ты мать несчастную; или по крайней мѣрѣ да не отверзаются никогда уста твои къ нареченію меня симъ именемъ. — О мать дражайшая! почто лишаешь ты меня удовольствія произносить толь сладкое, толь безцѣнное душѣ моей имя? Ахъ какое восхищеніе! у меня есть родители, есть мать . . . Орлеанъ, вся Франція узнаетъ сіе . . . И такъ не назовутъ уже меня сыномъ зазорнымъ: я дворянинъ . . . — Вспомни, что виновникъ дней твоихъ покрытъ поношеніемъ . . . — Я за-

глажу поношенїе сїе: найдусь въ силахъ покрыть его славою моихъ подвиговъ . . . Вѣрю согласно тебѣ: не возможно чтобъ отецъ мой повиненъ былъ въ смертоубїйствѣ: источникъ, въ коемъ почерпнулъ я жизнь, не можетъ оскверненъ быть толь гнуснымъ злодѣянїемъ; а ежели онъ и убилъ своего сопротивника, такъ нѣтъ сомнѣнїя что убилъ его какъ честный человѣкъ. — Послѣ сего входятъ нѣсколько людей въ каморку доброй оной женщины; тщетно старается она удержать Вальмьевы восторги: онъ не взирая на нее вопїетъ: — Вотъ мать моя! Примите объ ней попеченїе: заклинаю васъ дѣтскою любовїю. — Сказавъ сїе поспѣшно уходитъ, и въ скорости возвратясь назадъ: — Пойдемъ со мною, матушка: я изготовилъ тебѣ свои комнаты,

которыя впредь твоимЪ будутЪ жилищемЪ. Неразлучно стану я жить сЪ тобою; буду вкушать ежедневное услажденїе видѣть тебя, лобызать родительскїя твои руки . . . Теперь не станутЪ уже порицать меня безроднымЪ!

СамЪ Вальмье разславилЪ новость сїю вЪ городѣ; отчуждена подробностей достигла оная слуха госпожи ЛормессанЪ, которая свѣдала только то, что бывшїй любовникЪ ея нашелЪ своихЪ родителей; но не знала еще ужаснаго произшествїя сЪ отцемЪ его. ВЪ тотЪ же часЪ написала она кЪ Вальмье слѣдующее писмо: „Не „думайте, государь мой, чтобЪ „вы изгнаны были изЪ сердца мо„его, которое донынѣ жертво„вало собою народному только „мнѣнїю. Теперь чувствованїя мои „безЪ зазрѣнїя могутЪ быть об-

,,наружены; и кто бы ни были ва-
,,ши родители, я готова доказать
,,вамъ что горячность нѣжности
,,моей не охладѣла. Придите ко
,,мнѣ, и увидите, что въ тужъ
,,минуту отдамъ руку свою вто-
,,рому супругу.,, — Вальмье не
отвѣтствуя на писмо сїе, — Ви-
дно госпожа Лормессанъ, сказалъ
принесшему, невѣдаетъ еще въ ка-
кихъ обстоятельствахъ позналъ
я состоянїе мое. Такъ, сударь,
имѣю родителей; но увѣренъ, что
естьли она получитъ нѣкоторыя
объясненїя, то возрожденная чув-
ствительность ея ко мнѣ конеч-
но перемѣнится. Убѣжденный въ
истинной цѣнѣ самаго себя вѣ-
даю, что недостоинъ я принять
руки ея, ниже другой какой бы
то ни было женщины. — Слова
сїи препроводилъ скорбнымъ воз-
дыханїемъ.

Въ скоромъ времени подробности обстоятельствъ молодаго человѣка сего разнеслися по всему городу. Узнавшая въ точность приключенїе оное госпожа Лормессанъ, въ самомъ дѣлѣ начала на самое себя досадовать, что толь неосмотрительно къ нему писала, и предавшись паки господствующему надъ ней всеобщему помышленїй образу, удовольствовалась только тѣмъ, что питала въ сердцѣ своемъ страсть, которую преодолѣть была уже не въ силахъ.

Напротивъ того дѣвица Ермански явила превосходнѣйшую душу. Увѣдомясь обо всемъ, едва увидѣла она Вальмье, вскричала къ нему проливая удивленїемъ извлеченныя слезы: — О Вальмье! колико достоинъ ты любви! ты возносишь сердце мое до превы-

спренности души твоей. Коль похвально признать несчастную мать предъ лицемъ всего города, толь мало умѣющаго постигать величїе твоего духа! Ты произведешь со временемъ что забудутъ преступленїе, казнь коего не долженствуетъ упадать на почтеннѣйшаго всѣхъ человѣка; достигнешь . . . восторжествуешь надъ симъ варварскимъ мнѣнїемъ, коего душа моя презираетъ! Ахъ! почто не имѣю власти надъ обществомъ, дабы могла перемѣнить его помышленїя! . . . Повинуясь сердцу моему, повинуясь разсудку, исторгнула бы я прозбами моими, слезами исторгнула бы согласїе . . . Но нѣтъ, дядя мой не сталъ бы тому противиться; и ты . . . и ты не отказалъ бы мнѣ . . . И для чегожъ бы не уклониться намъ въ отдаленный край

міра, въ обиталище просвѣщаемое истинною, гдѣ добродѣтель не гонима, и не предана равному съ ужаснѣйшими злодѣяніями жребію? . . . Но естьли ты не будешь супругомъ моимъ, увы! я предпріяла заключиться здѣсь, предпріяла не выходя отъ сюда умереть! — Чѣмъ могу, сударыня, заплатить толикія милости? Упадаю къ ногамъ вашимъ, съ удивленіемъ вижу въ васъ обитающую саму добродѣтель; но я прогнѣвилъ бы ее, когда бъ употребилъ во зло толь благородныя, толь великодушныя чувствованія! Судъ надо мною уже совершенъ: одному мнѣ опредѣлено сносить всю тяжесть новаго моего злополучія; и сіе вѣчнымъ будетъ мученіемъ отъ неба на меня низпосланнымъ. По всему видно, что я навлекъ на себя мщеніе небесъ, когда онѣ толь тяж-

кую казнь на меня налагаютъ. Правда, сударыня, знаю теперь происхожденїе свое; имѣлъ я счастїе отъискать моихъ родителей, познать что я дворянинъ, и свободиться стрѣлъ самаго нелѣпаго предразсужденїя, но другое ужаснѣйшее востаетъ на меня съ сугубою злостїю. Имѣю отца . . . но отца на казнь осужденнаго. Строптивость и безумїе ополчились на меня симъ слабымъ для благомыслящаго человѣка оружїемъ; но много ли есть душъ, украшающихся добродѣтельми, просвѣщенїемъ ума, чувствительностїю сердца, твердостїю разсудка, какова душа прелестной Елеоноры? Да хотя бы дядя вашъ и согласился на бракъ . . . къ коему я вовѣкъ приступить не долженствую . . . такъ самъ я востану противъ него, противъ васъ, противъ

себя: ибо долженъ всѣ блага мои принесть въ жертву моему злополучїю. Уже я вамъ сказалъ, сударыня, что влїянныя вами въ душу мою почтенїе, признательность и удивленїе, легко могутъ восторжествовать надъ несмысленною любовїю, коея слѣпоту и заблужденїе начинаю уже чувствовать. И можетъ ли госпожа Лормессанъ сравнена быть съ вами? Все убѣждаетъ меня въ пользу вашу; но сїе-то самое чувствованїе толь поразительное, толь непорочное, толь безкорыстное, одушевляетъ меня и велитъ даже отвергнуть и мысль стать супругомъ вашимъ. Преходя въ жизни моей отъ единой пропасти въ другую, пусть упаду въ нее безъ вовлеченїя съ собой коголибо въ погибель. Позвольте мнѣ повергнуть къ ногамъ вашимъ еди-

ной токмо дружбы священное поклоненіе, сіе богоговѣйное почитанія свидѣтельство, достодолжное дѣвицѣ Ермански, яко существу небесному. Вѣчно буду я оплакивать новую сію разлучающую насъ препону . . . но никогда не стану раскаяваться что умѣлъ ее превозмочь. Доволенъ буду тѣмъ, когда возмогу обще съ вами презирать сію низкихъ душу толпу, коею глупая управляетъ привычка; единъ божественной Елеоноры взоръ будетъ мнѣ въ награду, и одной ея почтеніе удовлетворитъ меня за то высокомѣрное презорство . . . которому я долженъ подвергаться . . . Судите по сему о страданіи моемъ!

Уже явно стало всѣмъ, что Вальмье не имѣлъ болѣе причины сокрушаться о неизвѣстности своего жребія; уже узналъ онъ ро-

дителей своихъ; но коль превратна его судбина! чрезъ то учинился паче несчастнѣйшимъ. Всѣ совокупно обстоятельства раздираютъ сердце его; все представляетъ ему отца на позорищѣ казни. Подумать почти можно было, яко бы онъ его соучастникъ: толико являютъ ему гнушенія, которое честный человѣкъ вопреки воли своей принужденъ сносить. Но противу всѣхъ оныхъ ополченій поставляетъ онъ непоколебимую душу: или покрайней мѣрѣ умѣетъ скрывать умерщвляющія его стрѣлы. Нѣтъ той нѣжности, нѣтъ таковаго почтенія, коихъ бы онъ не оказывалъ своей матери. Восхотѣла было она, чтобъ толь превосходныя чувствованія менше были обнаруживаемы: — Дорого я плачу, любезный сынъ мой, за то счастіе, что

могу прижать тебя къ матерней груди! Не знаю, долженъ ли ты поставлять себѣ во удовольствїе сыскавъ мать . . . Ахъ! почто не сокрыла я восторговъ моихъ! Они побѣдили наложенную мной на самое себя принужденность. Правда, ты былъ безроденъ; но не лучше ли было не имѣть родителей, нежели познать таковыхъ какъ мы . . . Вообрази ужасный жребїй отца твоего, признаннаго повиннымъ въ смертоубїйствѣ, отторженнаго общества судебнымъ приговоромъ, содержащимъ въ себѣ всю лютость самыя казни. Въ семъ-то источникѣ почерпнулъ ты животворящую тебя кровь; да и я, не взирая на невинность мою, не взирая на благоговѣнїе мое къ добродѣтели, къ вѣрѣ, и я толико же почти въ глазахъ свѣта всего злопреступна. Безъ твоихъ бла-

годѣяній, погибла бы я въ нищетѣ. Увы! несчастные великое съ преступными имѣютъ сходство. Почто же, почто открыла я таинство мое? Вмѣсто окончанія усугубила бѣдствія твои. Теперь подвергнешься ты болѣ прежняго взорамъ презрительнымъ, подвергнешься ненависти народной. — Чтожъ могутъ люди сказать, матушка? Развѣ укорятъ меня единою чувствительностію, которыя всегда былъ я жертва? Положимъ, что виновникъ дней моихъ и заслужилъ строгость законовъ; но я обязанъ ли дѣлить съ нимъ уничижающее и вѣчную казнь его совершающее поношеніе? Или мы между варварами живемъ, между звѣрями лютыми? Къ чемужъ пользуетъ разумъ? Какое и преимущество быть человѣкомъ, ежели попустимъ управлять собою мнѣ-

нїю толь несмысленному, толь жестокому? Колико сочту себя благополучнымъ, когда возмогу испровергнуть оное неправосудїе, коего со временемъ весь родъ человѣческїй стыдиться станетъ равно какъ злодѣянїя! Такъ, злопреступство сїе помрачаетъ общество, и я исторгну его отъ онаго скотамъ приличнаго умствованїя, простирающаго мучительную власть и на самыя даже сердца; открою ему глаза; просвѣщу его примѣромъ моимъ, принужу его воздать мнѣ подобающую хвалу и честь. Нѣтъ, не поставитъ оно меня на равнѣ съ несчастнымъ отцемъ моимъ, ежели онъ и въ самомъ дѣлѣ поползнулся свершить злодѣянїе; будетъ сожалѣть о мнѣ; почтитъ меня уваженїемъ своимъ, почтитъ, или я раскрою грудь мою, и представлю ее ударамъ

тѣхъ немилосердыхъ человѣковъ, кои дерзнутъ отрещи мнѣ заслуженныя мной чувствованія: пусть они престоргнутъ жизнь мою. И ахъ! какое мое существованіе? смерть непрерывная!

Дѣвица Ермански подкрѣпляла Вальмьс въ семъ смѣломъ и независящемъ отъ народныхъ толковъ образѣ помышленій; внутренно рукоплескала самой себѣ, что свела знакомство съ человѣкомъ достойнымъ почтенія, и съ твердостію презирала всѣ укоризны, каковыми осыпали ее осуждая за союзъ, чистою добродѣтелію утвержденный.

Но предсталъ еще новый случай, въ коемъ величіе души сего юноши явилось во всей славѣ. Между несмысленными, общество составляющими членами, самый безумный и въ тожъ время злобнѣй-

шїй всѣхъ былъ нѣкто Дользенъ, надменный богатствомъ своимъ торговецъ. Непрестанно вопїялъ онъ, что Вальмье, хотя и почтенъ королевскими щедротами, не долженъ принятъ быть ни въ какомъ домѣ, и что отцово злодѣянїе покрываетъ сына поношенїемъ незагладимымъ; а какъ человѣкъ сей награжденъ былъ благостями фортуны, то и слушали его съ уваженїемъ. Вальмье извѣстенъ былъ о сихъ его плевелахъ; но презирая только разсѣвателя оныхъ молчалъ, хотя и могъ воспользоваться мщенїемъ отнюдь неожидаемымъ. Племянникъ грубїяна сего вдался въ распустную жизнь; развращенїе нравовъ вскорѣ довело его до подлости; а подлость, слѣдуя необходимому наращенїю пороковъ, низвергла его въ мерзость злодѣянїя. Напослѣдокъ, ни

золото, ни покровители Дользеновы не могли спасти сего несчастнаго, и онъ кончилъ дни свои на позорищѣ казни. Весь тогда городъ, какъ бы согласясясь, воздалъ сторицею дядѣ то презрѣнїе, каковымъ тщился онъ уничижить злополучнаго Вальмье, такъ что человѣкъ сей, отчужденный пособїй ума и твердости душевной, въ крайнее повергнулся отъ того унынїе, и даже покушался на жизнь свою.

Во время сїе Вальмье спѣшитъ къ Дользену: находитъ его окруженна слезящимъ семействомъ, предавшимся купно съ нимъ изступленному отчаянїю. Дользенъ едва увидѣлъ Вальмье, возопилъ въ горести: — За чѣмъ вы пришли сюда, государь мой? Наслаждаться бѣдствїемъ моимъ, упиваться слезами? . . . Радуйтесь

постигшему меня за васъ мщенію! — Ахъ, какъ мало вы меня знаете, отвѣчалъ Вальмье съ соболѣзнованіемъ! Не безъизвѣстно мнѣ, государь мой, что вы ругались несчастіями моими, что ревностнѣйшій были изъ враговъ моихъ, иль паче сказать, изъ числа гонителей. Когда бы послушали вашихъ наущеній, выгнали бы меня изъ Орлеана какъ злодѣя гнуснѣйшаго . . . — Государь мой, государь мой! прерялъ Дользенъ пораженный смятеніемъ . . . — Вы не можете сего отрещись, продолжалъ Вальмье; но теперь не время напоминать о проступкахъ вашихъ: другое намѣреніе привлекло меня сюда. Пришелъ я къ вамъ утѣшить васъ и ободрить, чтобъ не изнемогали подъ игомъ постигшаго васъ несчастія. Сказываютъ, что вы относительно торговли своей

безпорицательны; что всегда вели себя по законамъ непреложной честности; весь городъ отдаетъ вамъ въ томъ справедливость: такъ и наслаждайтесь плодомъ доброй славы вашей. Не должно за едино принимать дядю съ племянникомъ, и я первый стану посѣщать васъ, стану являть вамъ всякое честному несчастливцу достойное уваженïе. Ничто, по истиннѣ, сравниться не можетъ съ поразившимъ васъ нынѣ злополучïемъ: самъ я испыталъ оное съ чувствительною скорбïю; но будьте, государь мой, подобно мнѣ тверды; внимайте только гласу совѣсти, и останьтесь впрочемъ спокойны: ибо вы исполняли долгъ свой съ честïю. — Увы! государь мой, отвѣтствовалъ Дользенъ заливаясь слезами, пятьдесятъ лѣтъ отправляю уже я тор-

говлю, и никто, никто ни малѣйшей не произнесъ на меня жалобы. . . . Куда бѣжать, куда скрыться? . . . — Вамъ скрыться! Нѣтъ, сударь, однѣ только злодѣянія должны бѣжать во тму. Бывъ на мѣстѣ вашемъ, я продолжалъ бы дѣло свое; никогда не удалился бы Орлеана. Увидите тогда, что утомится нелѣпая злоба предразсудка; покрайней мѣрѣ вы умѣрите ярость ея . . . Племянникъ не то же что отецъ, сказалъ Вальмье произнеся глубокій вздохъ.

Дользенъ не находитъ словъ къ выраженію благодарности утѣшителю своему; повергается купно съ женою и дѣтьми своими къ ногамъ его: все семейство оное боготворитъ почти Вальмье, подобно какъ существо небесное, снизшедшее подать имъ помощъ. Сладкое торжество добродѣтели,

цѣну коего она только одна познавать можетъ!

Честный Вальмье не при одномъ семъ мужественномъ поступкѣ остался: ввелъ Дользена въ лучшіе въ Орлеанѣ домы; убѣдилъ всѣхъ не лишать довѣрія сего сострадательности и слезъ достойнаго торговца. Такимъ образомъ почтенный юноша производилъ то ради другихъ, чего бы всеконечно не дерзнулъ здѣлать для самаго себя. Отъ всѣхъ пріобрѣлъ онъ нѣкое уваженіе, которое превозмогало тайную ревность, стремящуюся удалить его отъ общества; онъ подавалъ, такъ сказать, законы сей помраченной слѣпотою толпѣ, ставшей собственныя слабости своея игралищемъ, неимущей твердаго помышленій основанія, и коея раболѣпствующая душа воспріемлетъ всегда съ жадностію

первыя впечатлѣнія, каковы только восхотятъ въ нее поселить. Напослѣдокъ Вальмье исторгъ себѣ и почтеніе и уваженіемъ сопровождаемую любовь: толико-то истинна и добродѣтель владычествуютъ надъ человѣками, и не взирая на противуполагаемыя препоны умѣютъ налагать на нихъ праведное господства иго!

Мать юноши сего съ радостію видѣла къ себѣ продолженіе нѣжности и попеченій своего сына; не могла разстаться съ нимъ ни на едино мгновеніе; но съ нѣкоего времени началъ онъ показывать особаго рода тоску, о коей встревоженная мать вопрошала у него причины. — Извѣстна вамъ вся дѣтская моя любовь, отвѣчалъ Вальмье; несомнѣнно знаете вы, что только одна мать привлекаетъ нынѣ всю мою нѣжность:

итакъ должно отмстить и за нее и за себя подавляющему насъ злополучїю. Не могу болѣ самаго себя преодолѣвать; долженствую признаться, что почитаю обязанностїю свою загладить бѣдственный отца моего жребїй: долгъ сей наложенъ на меня самою честїю. Очамъ народнымъ представленъ онъ въ видѣ гнуснѣйшаго злодѣя, въ видѣ заслужившаго . . . О Боже! замерзаетъ вся кровь въ жилахъ моихъ! . . Но не престану утверждать: невозможно чтобъ имѣлъ я отца преступника, хотя въ таковомъ видѣ весь свѣтъ его и прїемлетъ. Тщетно усиляюсь я преодолѣть сей ослѣпленный, сей неблагодарный свѣтъ; тщетно дерзаю презирать его предразсудки! Прїобрѣтенїемъ только непоколебимаго почтенїя, буде позволено мнѣ надѣяться онаго, воз-

могу побѣдить, или покрайней мѣрѣ умягчить его жестокость; а сіе къ усмиренію злобы человѣческія средство, не состоитъ въ недѣйствіи и позволяемомъ мнѣ покоѣ, но въ подвигахъ по средѣ ужасовъ бранныхъ. И такъ иду тещи путь, въ который вступилъ уже я въ предзнаменіяхъ благополучныхъ: война возгорѣлась паки въ Италіи; Венеціяне отъ среды гибелей своихъ въ новыхъ воспали силахъ. Чрезъ что же иное кромѣ славныхъ дѣяній можетъ Вальмье воспріять имя свое; чѣмъ инымъ пристойнѣе графу Реминвилю учинить себя извѣстнымъ? Король почтилъ меня покровительствомъ: и сего-то лестнаго толь душѣ чувствительной покровительства хочу стать достойнымъ. Сихъ ради причинъ, матушка, принужденъ я съ тобою

разстаться. Живи въ семъ городѣ, на позорищѣ печалей и бѣдствій нашихъ; посѣщай чаще дѣвицу Ермански; пріемли ее за дочь свою. Ахъ! коль сильно заставляетъ она меня ощущать, что почтеніе и благоговѣніе къ добродѣтели, превыше суть чувствованій разсудкомъ отвергаемыхъ, отъ коихъ рано или поздо благомыслящій человѣкъ найдется въ состояніи себя освободить! Госпожа Лормессанъ предала меня злополучіямъ моимъ, основалась на мнѣніи толпы народной, отринула меня, какъ въ то же время божественная Елеонора . . . предстала мнѣ въ лицѣ ангела хранителя: такъ, она воздала намъ за всѣ тѣ презрѣнія, каковыхъ никогда мы не заслуживали. Утѣшаюсь однакожъ тѣмъ, что оставляю мать мою въ такомъ состояніи, которое

защитить ее покрайней мѣрѣ отъ ужасовъ нищеты . . . Ежелижъ гонящїй меня немилосердый рокъ лишитъ жизни . . . Но вы плачете, матушка? Ахъ! не сокрушайтесь и не приводите меня къ малодушїю . . . дѣвица Ермански для васъ останется. Увы! когда бы я не имѣлъ счастїя обрѣсти родительницы моей, могло ли бы что иное прилѣпить меня къ жизни! Правда, что нынѣ и наказанъ я . . . Но прейдемъ молчанїемъ бѣдствїя наши . . . почтимъ тѣмъ память моего родителя. О великїй Боже! чѣмъ заслужилъ я толь жестокїе отъ судебъ удары!

Юноша разстается съ утопающею во слезахъ матерїю, и воздавъ оными же долгъ сыновней нѣжности . . . ибо истинное мужество никогда сими чувствительности знаками не постыждается

. . . препоручаетъ ее великодушной Елеонорѣ, которая плачемъ также жалкую разлуку оную сопровождаетъ; но величїе души ея вскорѣ утолило сїи первыя, нѣжности посвященныя движенїя: превознося достойными хвалами намѣренїе Вальмьево, раздѣляетъ она нѣкїимъ образомъ ожидающїя его блескъ и славу.

Гастонъ де Фуа *, достигшїй уже знаменитости въ двадцати-дву-лѣтнемъ возрастѣ своемъ, облекался безсмертною славою въ тѣхъ краяхъ, кои по справедливости назвать можно землею героевъ; казалось что пребыванїе его въ Италїи наипаче юное мужество его разгорячало; въ нетерпѣливомъ жарѣ алчущемъ сраженїй, воспоминалъ онъ, что самыя сїи, бранные подвиги его созер-

* Сынъ Іоанна де Фуа, шуринъ королевскїй.

цающія мѣста, были полемъ торжествъ оныхъ пресловутыхъ Римлянъ, коихъ имя осталось незабвенно и послѣ разрушенія ихъ державы. Людовикъ XII употребилъ къ воспитанію его всякое попеченіе, и любилъ какъ сына. Можно безъ усугубленія сказать, что колыбель Гастонова воинскій былъ станъ, а дѣтскія игры однѣ сраженія. Находился онъ еще въ походѣ Генуезскомъ. Всѣ совокупно въ высочайшей степени соединенныя доброты, представляли въ лицѣ князя сего совершенный примѣръ рыцарей Французскихъ. Къ наружной величественности образа, пріобщалъ онъ тѣ неизреченныя пріятности, кои всякую превосходятъ красоту; щедрота и вѣжливость блистали во всѣхъ его дѣяніяхъ: обожаемый предлогъ въ едино время и женщинъ и вои-

новъ, являлъ онъ сїю ласковость, заставляющую благоговѣть подчиненныхъ, и всегда упущать несносныя почти преимущества рожденїя и власти. Тою же рукою, которая украшалася носимою *любви ради владычицы его* перевязью, разсѣявалъ онъ страхъ въ ополченїяхъ бранныхъ. Видъ опасностей наипаче усугублялъ только въ немъ оную прїятную веселость, которая отличительнымъ является свойствомъ Французскаго народа; и что всего удивительнѣе, къ толь прелестнымъ качествамъ присоединялъ благоразумїе и осторожность искуснаго полководца. Король постановилъ его правителемъ города Пизъ, въ коемъ прїобрѣлъ онъ отъ всѣхъ и уваженїе и любовь; но наивящше твердость души его открылася въ томъ случаѣ, гдѣ надлежало усмирить Швей-

царовъ, тайно Фердинандомъ * и Максимиліяновъ ** противу Франціи возмущаемыхъ. Въ сіе-то время достигаетъ Вальмье подъ знамена Гастоновы. Вскорѣ пріобрѣтаетъ онъ повѣренность сего князя, который во свою чреду нашедъ оную и въ немъ, узнаетъ всѣ подробности злополучныя его судбины, и за то болѣе удостояетъ любовію толь доблественнаго воина. — „Другъ мой, вѣщалъ Гастонъ, я имѣю честь быть родственникомъ перваго въ свѣтѣ „короля; однакожъ истиннаго существованія своего ожидаю только отъ подвиговъ сердца моего и „меча. Ты мужественъ, добродѣтеленъ, и я не возложу на тебя „вины за преступныя дѣйствія „твоего отца: кровь, предложен-

* Король Испанскій.
** Императоръ Римскій.

„ная на пролитіе за государя сво-„его и отечество, есть всегда „непорочна, и Вальмье легко про-„изведетъ во мнѣ забвеніе о графѣ „Реминвилѣ.„ Тако юный сей ге-рой помышлялъ и дѣйствовалъ какъ мудрецъ. Вальмье, съ сто-роны своей, искалъ случая оправ-дать толь высокое благоволеніе, и послѣдовалъ за княземъ къ осадѣ Бресса. Рыцарь Баярдъ получилъ тамо рану. Гастонъ возопилъ: *Друзья, отмстимъ за добраго ры-царя.* Въ тожъ мгновеніе Вальмье мечется въ окопы, съ яростію нападаетъ на Венеціянъ, прого-няетъ ихъ до внутренности са-маго города, и собственными ру-ками беретъ въ плѣнъ провиди-тора Андрея Гритри. По совер-шеніи побѣды устремляется ис-торгать отъ солдатъ своихъ жер-тву ихъ лютости, и поелику про-

стирается власть его, тщится спасти жен и девиц от насилія и ругательства. Баярд обнявъ его, *Таварищъ*, говоритъ, *достойно назвалъ тебя* солдатомъ своимъ король; *онъ узнаетъ, даю слово дворянское порукою, узнаетъ всѣ твои подвиги, и не за мной станетъ что бъ почтить тебя рыцарскимъ прикосновенїемъ.* Гастонъ шествуетъ въ торжествѣ, провождаемый Вальмьемъ, который неотступно при немъ уже находился, и которому въ залогъ дружбы даровалъ онъ половину бѣлой своей опояски. Новое сраженїе ожидаетъ ихъ на валахъ Равеннскихъ. Князь сей стремится изъ ряду въ рядъ, разгорячаетъ пылкость Французовъ, расточаетъ ласки послѣднѣйшему солдату: никогда онъ толико достойнымъ любви ихъ не являлся.

,,*Посмотримъ*, сказалъ Вальмье симъ прїятныя веселости произношенїемъ, которое толь любезнымъ учиняло его народу, *по-* ,,*смотримъ, что-то здѣлаютъ до-* ,,*брые наши робята за любовь къ* ,,*моей красоткѣ.*,, Приступъ начинается; артиллерїя производитъ въ правомъ крылѣ Французскомъ великое опустошенїе; лѣвое рѣшитъ надъ непрїятелями поверхность. Жаръ воюющихъ воспламеняется; вскорѣ долина явилась покрыта мертвыми; побѣда преклонилась на страну Французовъ; непрїятели оставили имъ боевое поле. Толико блистательныхъ успѣховъ Гастону не довольно: ,,Валь- ,,мье! (возопилъ онъ) побѣда наша ,,несовершенна: побѣгъ непрїяте- ,,лей показуетъ еще порядочное ,,отступленїе, а надобно здѣ- ,,лать чтобъ и сами они о раз-

,,битіи своемъ не сомнѣвались.,, Въ тожъ мгновеніе скачетъ на валъ, и становится на переди примыкающейся къ оному Испанской колонны. Вальмье кричитъ ему: Куда вы стремитесь, мой князь? куда стремитесь? — Къ славѣ, другъ мой. — Едва произнесъ послѣднее слово сіе, какъ выстрѣломъ изъ пищали сбитый съ коня низвергся въ ровъ. Возопивъ горькимъ рыданіемъ Вальмье мечется на тѣло его, сжимаетъ въ объятіяхъ, и въ коликое повергается отчаяніе, примѣтивъ что князь лишился уже жизни! Стремится за него отмстить; но пораженный самъ многихъ копій ударами, повергается безъ чувствъ близъ несчастнаго Гастона. Лотрекъ вкушаетъ ту же участь.

Вальмье открываетъ глаза на то только, чтобъ восчувствовать

и оплакать кровавыми слезами дражайшаго князя лишенїе. Въ ярости востаетъ потомъ, и съ чрезъестественнымъ силъ напряженїемъ мчится во среду врагов: множество убиваетъ ихъ собственными руками. Коль лютая вѣсть поражаетъ Французовъ, услышавшихъ о смерти ихъ героя! Стекаются проливая слезы къ плачевнымъ его остаткамъ, покрываютъ ихъ несчетными лобзанїями: желаютъ изобразить словомъ горесть свою; но голоса ихъ произносятъ страшный только стонъ. Покрытый кровїю Вальмье прибѣгаетъ къ нимъ: — Таварищи! не слезами надлежитъ намъ отмщевать Гастона; но потоками кровей, каковыми зрите меня обагренна; въ Равеннѣ должны мы воздвигнуть гробъ нашему полководцу: пойдемъ, устремимся на городъ преступный. — Отъ

слова онаго воины воспрїявъ бурную лютость произносятъ ярый крикъ, и препираются о чести взлетѣть на стѣны. Городъ взятъ, и тотчасъ потребленный огнемъ и мечемъ сталъ позорищемъ всеобщаго убїйства. Вальмье, коего смерть Гастона преобразила въ рыкающаго льва, насытясь кровопролитїемъ воспрянулъ отъ обуяннаго мщенїя, и вскорѣ воспрїялъ человѣколюбивое души его свойство. Устремляется къ солдатамъ, исторгаетъ отъ нихъ упитанные кровїю мечи: —Друзья, друзья, перестаньте! Печаль моя лишила меня разсудка. Увы! ежели бы здравствовалъ нашъ князь, онъ первый поспѣшилъ бы укротить бѣшенство наше. Не забудемъ, что былъ онъ милосердѣйшїй всѣхъ человѣкъ! Ахъ! не употребляя во зло побѣды нашей потщимся паче

оплакать Гастона, и учинимъ то, что бы и самъ онъ сдѣлалъ: пощадимъ даже и самихъ похитившихъ отъ насъ сего героя. — Бодрый ла-Палиссъ приспѣваетъ съ предводимыми имъ Жандармами; лобзаетъ Вальмье, и купно съ нимъ пресѣкаетъ безпорядокъ.

Увѣдомленный о смерти Гастона король, пребылъ многїе дни въ глубочайшемъ сокрушенїи. Вельможи двора его тщились было утѣшить. — Ахъ! оставьте меня оплакать сына моего, единую мою надежду! Такъ и короли тѣ же испытуютъ горести какъ и прочїе человѣки? Послѣднїй изъ подданныхъ моихъ безъ сомнѣнїя благополучняе меня! — Утѣшаютъ монарха славою сей побѣды. — Пожелаемъ таковыя же, противорекъ, врагамъ нашимъ. О Гастонъ, Гастонъ! по толикой потерѣ возвеселится

ли Францiя о ея успѣхахъ!

Людовикъ повелѣлъ раздать награды главнѣйшимъ побѣдительнаго войска начальникамъ; въ семъ свидѣтельствѣ благости своея не забылъ и Вальмье. Увы! рекъ монархъ, довольно было бы и того къ наградѣ его, что онъ любезному Гастону моему былъ любезенъ; никогда не предамъ я забвенiю *моего солдата*, и онъ познаетъ впредь, что король Французскiй достоинъ имѣть подобныхъ ему слугъ. Самъ Баярдъ перенесъ Вальмьѣ сiи толико лестныя и толь славныя для подданнаго слова.

Вальмье принужденъ былъ отложить намѣренiе свое окончить поле: раны его привели въ несостоянiе повиноваться доблести сердца. Возвращается онъ въ мѣсто рожденiя своего, съ душею исполненною соприсущихъ ей го-

рестей. Слава упреждаетъ его въ пути: имя *солдата королевскаго* гласится по всей Италїи. Проѣзжаетъ онъ Генуу, и тотъ же день получаетъ приглашенїе отъ нѣкоторыя знатныя госпожи, просящей его явиться къ ней немедлѣнно. Ничто не можетъ привести въ забвенїе Французу должности его въ разсужденїи прелестнаго пола. Вальмье не мнитъ оскорбить дружества, которое произвело было въ немъ раскаянїе, что повиновался такому зву: идетъ провождаемъ человѣкомъ, похожимъ одеждою на конюшаго; приходитъ къ палатамъ, коихъ наружность возвѣщаетъ великолѣпнѣйшее зданїе во всей Генуѣ, гдѣ, какъ извѣстно, многїя воздвигнуты удивительныя въ семъ родѣ достопамятности. Перешедъ длинный дворъ, украшенный рѣдкими ста-

туями, восходитъ по лѣстницѣ, и протекаетъ рядъ чертоговъ, единъ другаго пространнѣйшихъ. Богатыя обои, покрывающія стѣны чертоговъ сихъ, усугубляютъ его удивленіе: ибо повсюду представляютъ гербы Франціи и безчисленное множество таинственныхъ образованій, относящихся къ Людовику XII му. Здѣсь зрится онъ шествующъ въ Генуу, по овладѣніи симъ городомъ: разсѣянные на картинѣ Купидоны сыплютъ цвѣты подъ стопы монарха. Индѣ является вознесенный образъ его, Купидонами также отъ лавра и мирты вѣнчаемый, а при подножіи онаго помѣщенныя въ разныхъ поставленіяхъ Геніи, знаменующіе добродѣтели и художества. На обояхъ сихъ видна довольно странная надпись: *E mia esca l' amore*.

Вальмьево удивленіе по мѣрѣ

шествія возрастало. Напослѣдокъ входитъ въ комнату, отдѣленную отъ прочихъ переходами. Коль различное поражаетъ очи его позорище! Зритъ распростертый всюду покровъ смерти, и прекраснѣйшую жену, облеченну мрачною одеждою печали, покрывающу держимый въ рукахъ ея портретъ лобзаніями и слезами. Подобіе сіе гроба, куда не проницалъ тончайшій лучь солнца, освѣщенно было двумя токмо желтаго воска свѣчами, весма похожими на свѣточи погребательнаго обряда. Растрепанные по плечамъ ея волосы изъявляли крайній глубочайшія горести безпорядокъ. — Достопочтенный Французъ, произнесла она томнымъ голосомъ, прости мнѣ причиненное тебѣ безпокойствіе. Нѣкто изъ служителей твоихъ нарекъ тебя по имени, и я узнала что

прибылъ въ мѣста сїи смѣлый Вальмье, спасшїй короля своего жизнь. . . . Увы! нѣтъ уже его, нѣтъ болѣе на свѣтѣ! — Какъ, государыня? — Такъ ты не знаешь еще, что примѣръ монарховъ, предмѣтъ обожанїя моего, всѣхъ души моея чувствїй, что государь твой . . . скончался? . . . — Король умеръ, возопилъ Вальмье! — Небо, завиствующее добродѣтелямъ государя толь рѣдкаго, толь совершеннаго, восхитило его отъ земли. Ты видишь, что и я вскорѣ послѣдую за нимъ во гробъ, и тѣмъ только поставляю себя блаженною, что подданный Людовиковъ воспрїиметъ послѣднее дыханїе мое. По сему отчаянїю, единою смертїю скончаться могущему, познай женщину нѣжнѣйшую, достойнѣйшую сожалѣнїя, познай несчастную Спинолу . . .

* — Это вы, государыня . . . — Я, которой самодержецъ твой вдохнулъ страсть безпримѣрную. Первый на него взоръ рѣшилъ судбину послѣдующихъ дней моихъ; образъ его единственный былъ предмѣтъ мечтавшійся очамъ моимъ, обитавшій въ сердцѣ; но не внѣшнія только красоты государя сего воспламенили въ груди моей толь жаркій, толь чистый, толь

---

* Во время торжественнаго шествія Людовика XII го въ Генуу, *Томассина Спинола* съ толикою жадностію взирала на сего монарха, коего мужественная красота усугублялась осанкою и безпримѣрными пріятностьми во всѣхъ тѣлесныхъ его упражненіяхъ, что съ тояжъ минуты восчувствовала къ нему нѣжнѣйшія возбужденія любви. Плѣненна потомъ прелестьми разговора его и души величіемъ, сама открылась ему въ страсти своей, и забывъ весь свѣтъ совершенно предалась одному нѣжности своей предмѣту. Въ отсутствіе жъ его утѣшалась частымъ къ нему писаніемъ, ходатайствуя иногда за несчастныхъ, или защищая пользы своего отечества.

постоянный огнь: молва примчала сказанїе о добротахъ его прежде еще во страну нашу; я любила уже, обожала самодержца добродѣтельнаго, великодушнаго, щедраго, хвалу престола и человѣческаго рода. Когдажъ взоры мои устремилися на Людовика, я предалась тогда полному услажденїю созерцать владыку души моей. Но коликїй восторгъ, коликое упоенїе восчувствовала, когда могла внимать ему, могла съ нимъ бесѣдовать, могла вникнуть въ сердце его поистиннѣ королевское! Не устыдилась я объявить ему любовь отчужденную слабостей, уничижающихъ достопочтенную страсть сїю, и Людовикъ соизволилъ мнѣ нарицать его именемъ *любовника моего*. Повѣдовала ему всѣ дѣянїя мои, всѣ помышленїя, всѣ желанїя, подобно

какъ божеству, коему торжественно покланялась... Онъ обладалъ всемъ существованїемъ моимъ; и безъ сомнѣнїя небо накажетъ меня за сїе идолопоклонство. Лишеннаяжъ услажденїя зрѣть государя сего, созерцавала его душевными очами, бесѣдовала съ нимъ разговоромъ сердечнымъ; бѣдственную разлуку сїю тщилась утаить отъ себя писмами; взоры мои устремляла на его только писанїя, и орошала ихъ слезами, избыткомъ нѣжныхъ чувствованїй извлекаемыми; но колико было удовольствїе мое, коль неизреченно сладострастїе, кое его питающїй меня пламень одна токмо я могла чувствовать, когда Людовикъ по прошенїю моему проливалъ щедроты, и извлекалъ отъ нищеты благословящихъ имя его несчастныхъ! Благотворенїя его

простирались на отечество мое, на Италїю, на всю вселенную. Я славилась, гордилась добродѣтелями его: оба мы возносили другъ друга превыше естества. Людовикъ паче былъ нежели король, паче нежели герой: ибо наилучшїй былъ изъ человѣковъ . . . И сего-то лишился свѣтъ, сего-то я отторжена навсегда! ... навсегда! ... Достопочтенный Французъ, закрой глаза мои! О дабы послѣднїй взоръ мой умеръ устремленный на сей образъ, представляющїй мнѣ божество, сохранявшее донынѣ жизнь мою! Сама я начертала образъ сей, сама живописала по наставленїю сердца моего; пусть и погребутъ его со мною, пусть положатъ на самое сїе сердце . . . которое не престанетъ Людовика любить. Надежда сїя есть едино упованїе мое . . . Такъ, я

соединюся съ нимъ, увижу его въ райскихъ селенїяхъ . . . Увы! кто изъ смертныхъ уподоблялся паче Богу оному, коему прїобщается нынѣ душа моя, и кто паче короля вашего достоинъ наслаждаться вкупѣ съ нимъ вѣчностїю блаженства!

Сказавъ сїе погружается паки въ лютѣйшее отчаянїе. Вальмье предается сѣтованїю, праведно сокрушающему духъ его: ибо кромѣ должности, обязующей его яко Француза проливать о лишенїи короля своего слезы, чувствуетъ себя сраженна тяжчайшимъ ударомъ, восхитившимъ отъ него благодѣтеля, остановившимъ его по средѣ поприща славы, и отъявшимъ ожидаемое отъ него покровительство. Состоянїе прекрасной Генуезски усугубляло горесть его печали: вѣдалъ онъ чув-

ствительности силу, и удобно постигалъ лютость поразившаго Спинолу бѣдствія. Жена сія, достойная хвалы и удивленія потомства, восхотѣла чтобъ Вальмье находился при ней безотлучно. Нѣкогда удалясь на краткое время, оставя ее при дверяхъ гроба, спѣшитъ Вальмье обратно въ палаты Спинолины, устремляется въ чертогъ ея, и разливаетъ восторгъ неожидаемыя радости. — Что значитъ восхитительная сія премѣна? . . . Неужели король . . . — Онъ живъ! . . . — Что слышу! . . . Людовикъ . . . — Не умиралъ, государыня, хотя и увѣряли о томъ отечества моего враги. Такъ, онъ здравствуетъ, здравствуетъ, и дни его не подвержены уже опасности. * — Какъ!

* И въ самомъ дѣлѣ разнесся слухъ въ Италіи, будто Людовикъ XII умеръ; но то одна-

пресвѣтлѣйшій *любовникъ* мой не сошелъ во гробъ! . . . Ахъ! всѣ чувства мои . . . не могу пренесть чрезмѣрности . . . Коликій восторгъ . . . О великодушный Французъ! скажи ему . . . скажи, что умирала я отъ горести . . . что теперь умираю отъ восхищенія . . . Онъ живъ еще! царствуетъ!

кожъ справедливо, что былъ во время сіе тяжко боленъ. Возвѣщенная о семъ, чувствительная паче мѣръ Спинола, погрузилась въ лютѣйшую горесть. Съ самыя тоя минуты возгнушавшись свѣтомъ дневнымъ, воображая что державный любовникъ ея не наслаждается уже онымъ, премѣнила чертогъ свой на нѣкій родъ мрачнаго вертепа; горячка, плодъ разительныя печали, истощивъ силы ея, низвела по осмидневномъ страданіи, призывающу смерть и произносящу имя Людовиково, во гробъ. Республика Генуезская сожалѣя о ней, яко о покровительницѣ и заступницѣ своей у короля Французскаго, и какъ о добродѣтельнѣйшей и благотворной женщинѣ, устроила въ честь ея на иждивеніе свое, какъ о томъ здѣсь и упоминается, великолѣпное погребеніе. — Изъ всего сказаннаго

благотворитъ вселенной! О дабы не предалъ забвенію и нѣжнѣйшую Спинолу! Не отречешься ли ты вручить ему прахъ мой? онъ согрѣлся бы, одушевился бы отъ слезъ его . . . Не сомнѣваюсь, ко-

здѣсь явствуетъ, что любовь не всегда бываетъ источникомъ безчинія и пороковъ; но доказуетъ паче, что многія нѣжнаго сердца и возлюбленнаго свойства женщины могутъ достигнуть высочайшихъ добродѣтелей, и вознести ко онымъ и насъ съ собою, ежели воспитаны будутъ въ благонравіи, и буде позволено мнѣ сказать, въ доблести. Можно по справедливости утвердить, что мы сами мущины повинны въ томъ, когда не видимъ лучшихъ примѣровъ отъ пола исполненнаго прелестьми, и когда не содѣйствуютъ онѣ усовершенствованію нравовъ и ума нашего. Взгляните на Спарту, и увидите коль великое благо произвели тамо женщины, которыхъ мы оставили утопать въ роскоши и научаться суетному искуству только нравиться.

Здѣсь не наблюденъ лѣточислительный порядокъ: ибо смерть Томассины Спинолы послѣдовала съ 1505мъ, и Гастонъ де Фуа скончался въ 1512мъ году.

нечно не сомнѣваюсь, что восплачетъ Людовикъ меня воспоминая. Одно только сїе упованїе услаждаетъ конецъ мой. Вѣщай ему о любви моей . . . Ахъ! никто, никто не любилъ подобно мнѣ: обожала я славу его, обожала добродѣтели. О Людовикъ! дражайшїй любовникъ! отъ тебя я умираю!

Несчастная Спинола не могла болѣ говорить; понуждаетъ Вальмье знаками принести къ ней и отперешь маленькую коробачку, лежавшую близъ ея постѣли: вынимаетъ изъ ней сплетенное изъ волосовъ ея зарукавье и миньятюрный свой портретъ. Знакамижъ вразумляетъ его, что проситъ вручить немедлѣнно королю сїи два памятника нѣжности ея, и испускаетъ послѣднїй вздохъ. Вскорѣ потомъ Генуа послала отъ себя къ Людовику двухъ знаменитѣй-

шихъ гражданъ своихъ, да возвѣстятъ его о преставленіи оныя госпожи; одолженная жъ великими благодѣяніями ея, учреждаетъ великолѣпное погребеніе изъ общественныя казны, и въ честь ей воздвизаетъ богатую гробницу.

Дѣвица Ермански вела непрерывную съ Вальмьемъ переписку; извѣстила его о смерти дяди ея, и о надеждѣ наслѣдовать знатное богатство. Въ писмахъ своихъ безпрестанно внушала ему, что теперь можетъ онъ рѣшить ея жребій, что никакое уже препятствіе не воспящаетъ союзу ихъ, что имѣетъ она все потребное мужество презирая народное мнѣніе стать превыше онаго, и воздать нѣкіимъ образомъ должное удовлетвореніе достоинству и добродѣтели, неправедно имъ отъятое. Словомъ, по всему видно

было, что чувствительная Елеонора сгарала отъ вожделенія предложить руку и сокровища свои Вальмьѣ, который безпрестанно упорствовалъ, представляя ей наложенный на него законъ правотою и злополучіями его. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ часа повергнуться въ объятія матерни, и увидѣть паки въ лицѣ дѣвицы Ермакси достопочтеннаго друга; но должность повелѣвала ему прежде всего исполнить препорученіе, наложенное на него отъ злополучныя Спинолы. Сего ради направляетъ путь ко двору Людовикову; спѣшитъ упредить пословъ Генуезской республики, и прибывъ требуетъ лицезрѣнія монарша. Людовикъ едва увидѣлъ его, возопилъ: Вотъ *храбрый мой солдатъ!* Не награды ли пришелъ требовать? Онъ всякія достоинъ. —

Государь, отвѣщалъ Вальмье упавъ къ ногамъ монаршимъ, какой еще паче лестной милости мнѣ желать, когда могу уже славиться ободренїемъ самодержца моего похвалъ, отъ доброты души его произшедшихъ? Никогда бы, всемилостивѣйшїй государь, не дерзнулъ я искать чести стать предъ лицемъ вашимъ, ежели бы относящееся до васъ обстоятельство не привлекло меня ко священному пребыванїя вашего мѣсту. — Тотчасъ царедворцы удалятся. — Какую тайну имѣешь мнѣ сказать, спросилъ король? — Препоручено мнѣ касающееся вашего величества дѣло, весма болѣзненное душѣ моей, ибо опечалитъ оно и васъ. Вручаю вамъ портретъ госпожи Спинолы, и зарукавье изъ волосъ ея . . . — Подай, подай: драгоцѣнны мнѣ дары

сїи: воспоминаютъ они благосклонности владычицы души моей, и я всегда поставлять буду во славу именоваться ея *любовникомъ* . . . . Ты возраждаешь во мнѣ такія чувствованія, коихъ давно уже я не ощущалъ . . . (Слезы лїются изъ глазъ Вальмье.) Но ты плачешь? — Государь! дары сїи отъ госпожи Спинолы суть послѣднія нѣжности ея свидѣтельства. — Какъ! — Она скончалась, государь, и скончалась за ваше величество. — Пораженный Людовикъ тѣмъ же почти ударомъ, вопрошаетъ о малѣйшихъ подробностяхъ печальнаго сего приключенія, и внимая онымъ источники проливаетъ слезъ. — Все я потерялъ лишась толь истиннаго друга! Она любила меня ради самаго меня, не ради моея степени. Ущербъ сей ничѣмъ ненаградимъ! Увы! ей дол-

женъ я малыми тѣми добродѣтелями, каковыя и сами враги мои принуждены мнѣ были приписать. — Вальмье, видя короля погруженна въ глубокую печаль, убоялся преступить законы благопристойности напоминанiемъ ему о собственныхъ обстоятельствахъ своихъ; удаляется отъ лица его, и спѣшитъ достигнуть Орлеана. Монархъ устремилъ всѣ помышленiя, да почтитъ память толь достойныя сожалѣнiя его любовницы: повелѣваетъ сочинить надгробiе, и начертать оное на доскахъ памятника, посвященнаго ей отъ Генуи. Никогда не забывалъ государь сей нѣжныя и добродѣтельныя Спинолы: до послѣдняго часа жизни своей отзывался объ ней съ чувствительностiю, смѣшенною съ почитанiемъ.

— Вальмьева мать стремится въ

объятія его, истощаетъ ему нѣжнѣйшія ласки; но въ тожъ время сынъ усматриваетъ въ ней знаки удивительнаго ему смятенія. — Примѣтно, матушка, что вы увидя меня радуетесь; однакожъ все являетъ въ васъ нѣкое безпокойствіе, въ которомъ я долженъ участвовать. Не скрываете ли какого таинства, опасаясь мнѣ объявить? Какая еще новая печаль здѣсь меня ожидаетъ? Ахъ! неужель мало я несчастливъ! — Вмѣсто отвѣта даютъ ему только знакъ, чтобъ удалилъ служителей; когдажъ вышли свидѣтели сіи, мать Вальмьева обращается къ нему, и речетъ тихимъ голосомъ: — Ты всегда мнѣ говаривалъ, что обрадуешься найдя отца твоего, что истощишь на него всѣ доказательства любви своей, хотя бы онъ и палъ въ заблужденіе . . . —

Конечно говорилъ . . . Ахъ! неужели увижу моего родителя! . . . Упаду къ ногамъ его, и хотя злополучная судбина завлекла его въ злодѣянїе . . . но во мнѣ найдетъ онъ нѣжнѣйшаго сына . . . Развѣ вы свѣдали объ немъ . . . развѣ знаете? . . . — Поди за мною, сынъ мой. — Что хотите мнѣ сказать? — Иди за мной. — Куда вы меня ведете? — Тише, тише; ступай только за мною. — Мать Вальмьева взявъ свѣчу сводитъ его въ погребъ, и пройдя небольшой закоулокъ приближается съ нимъ къ кучѣ досокъ, набросанныхъ одна на другую; отбираетъ ихъ по одиначкѣ; самъ Вальмье помогаетъ ей въ работѣ оной, останоВляя иногда вопросами, которымъ однако же она не удовлетворяетъ. Напослѣдокъ открывается родъ нѣкоей западни, въ которую, от-

перевъ ее, оба входятъ. При свѣтѣ малыя лампады видитъ Вальмье лежащаго на скудной кровати старца, коего сѣдая борода простиралась до самыя груди. — Ты видишь, сынъ мой, возопила мать рыдая слезно . . . видишь злополучнаго отца твоего; а ты, другъ мой, прими въ объятія любезнаго, всей нѣжности нашей достойнаго сына. — Батюшка! — Это ли сынъ мой, котораго храню въ нѣдрѣ души моей? Ахъ! Не уклоняйся отъ объятій моихъ! . . . Реминвиль, ты не злодѣя видишь въ отцѣ своемъ . . . видишь токмо злополучнѣйшаго изъ человѣковъ. — Батюшка! въ какомъ нахожу васъ состояніи! и за что? . . . — Послушай, преяла госпожа Реминвиль: я принуждена была заключить отца твоего въ семъ подобіи гроба. Игралище роковыя судбины своея,

отверженный отъ всюду, преслѣдуемый страхомъ незаслуженной казни, невинный предъ очами токмо Бога, зная наконецъ, что я живу въ семъ городѣ, привлекся онъ тайно подъ кровъ единаго оставшагося ему друга. Не было инаго, кромѣ сего плачевнаго мѣста въ домѣ, гдѣбъ могла я скрывая отъ поисковъ сохранить залогъ толь драгоцѣнный. Отецъ твой, сей дражайшїй мой супругъ, влачитъ томные дни въ семъ ужасномъ убѣжищѣ, и здѣсь испуститъ дыханїе! . . . — Но прежде, произнесъ старецъ сокрушеннымъ голосомъ, прежде нежели скончаю бѣдственное бытїе мое, благословлю милосердое Провидѣнїе, даровавшее мнѣ увидѣть . . . обнять сына моего! . . . О сынъ возлюбленный! вѣрь слову моему, я невиненъ, невиненъ! Предъ очами неба и истин-

ны отецъ твой не творитъ тебя зазорнымъ. Но во взорахъ человѣческихъ, проливая слезы продолжалъ . . . лишился я чести, и къ совершенїю отчаянїя моего вовлекъ и тебя въ свое осужденїе. . . . О чадо злополучное! чадо злополучное! ты принужденъ будешь проклинать память мою! — Увы! родитель мой! бѣдствїя ваши усугубляютъ власть, данную вамъ природою надъ сердцемъ моимъ! Невозможное дѣло, чтобъ совершили вы преступленїе; никогда, никогда я сего не опасался: источникъ, въ коемъ почерпнулъ я бытїе мое, не могъ конечно оскверниться нечистотою разврата и злодѣйствъ. Отецъ Вальмьевъ . . . достоинъ сожалѣнїя . . . почтенїя моего, всей любви моей. — Произнеся сїе Вальмье упадаетъ паки въ отеческїя объятїя,

изъ груди его исторгаются рыданія, и вкупѣ мать и сынъ обливаютъ слезами стенящаго старца, являющагося при послѣднемъ концѣ своея жизни. — Такъ ты не нарицаешься и именемъ моимъ, возобновилъ старецъ? Увы! суди по сему, достоинъ ли графъ Реминвиль сожалѣнія! . . . Такъ, сынъ мой, такъ; все на меня вооружилось; все принуждаетъ тебя не признавать меня отцемъ.

Несчастный старецъ повѣствуетъ потомъ сыну всѣ бѣдственнаго дѣла своего подробности. Признаться должно, что по наружностямъ не можно было его оправдать. Отъ предувѣренія ли, или содѣйствіемъ скрытныхъ враговъ, либо по ослѣпленію и самаго правосудія, розыскъ дѣла сего производимъ былъ съ небреженіемъ, яко съ такимъ зломъ, кое соприк

частно всѣмъ судамъ уголовнымъ, гдѣ и малѣйшїй лучь не долженствуетъ быть просмотрѣнъ: ибо раждаетъ часто свѣтъ достаточный къ обнаженїю правды. — Батюшка, вскричалъ Вальмье! вооружитесь мужествомъ, и востановленїя чести вашей дерзайте уповать. Слѣдуйте за мной; падите къ ногамъ самодержца нашего; государь сей есть истый образъ Божїй на земли: ибо правосудїе и благость онаго исполняетъ. Вы увѣряете меня въ невинности своей, и не сомнѣваюсь. Людовикъ повелитъ признавать васъ таковымъ, каковы нѣкогда вы были, таковымъ, каковъ отецъ мой долженъ предстать очамъ народнымъ. Смятемъ обманъ и злобу; не усомнимся вѣрить сему утѣшительному чувствованїю, влїянному во всякую душу, что рано или

поздо восторжествуетъ добродѣтель . . . и я вкушу сладость объятія вашего предъ лицемъ всего прободшаго мнѣ сердце Орлеана. Ахъ, батюшка! всякое перенесъ я поруганіе; многіе кинжалы произали грудь мою; но теперь оставимъ иныя помышленія ради путешествія нашего ко двору: поѣдемъ немедлѣнно.

Вальмье употребилъ тщаніе сокрыть убѣжище въ домѣ своемъ старца, и даже предпринимаемое въ пользу его намѣреніе. Единой токмо добродѣтельной Елеонорѣ открылся безъ всякаго притворства, и не могъ умолчать предъ матерью своею неудовольствія, для чего она не извѣстила о семъ дѣвицу Ермански. — Всякое, матушка, укрытіе таинства отъ дѣвицы сей оскорбляетъ дружество: едина повѣренность можетъ удо-

влетворить тѣмъ великодушнымъ чувствїямъ, каковы расточила на меня сїя почтеннѣйшая изъ рода женщинъ. О ежели бы позволено мнѣ было учинить ее общницею плачевной моей доли! . . Но престанемъ ласкаться сею надеждою. Тщетно усиляюсь я влїять утѣшенїе въ душу отца моего, тщетно представляю ему лестное предбытїе . . . которое никогда не исполнится. Мы сотворены на бѣдствїя; невинность его никогда не обнажится . . . Но что же! для чего не испытать сей единственный оставшїйся намъ способъ. Естьли отецъ мой не оправдится . . . уклонимся всѣ вкупѣ въ какой либо неизвѣстный край земли . . . Не опасайтесь: оба вы будете мнѣ всегда любезны, оба воспрїимете послѣднее дыханїе мое.

Дѣвица Ермански похвалила смѣ-

лое Вальмьево намѣренїе, и помышляла иначе нежели онъ: не сомнѣвалась, чтобъ не воспрїяло оно благополучнаго успѣха, такъ что Вальмье, удовлетворяя доброжелательству ея, притворился вѣрующимъ благимъ онымъ предсказанїямъ, коихъ въ тайнѣ сердце его отвергать не преставало. Напослѣдокъ, отвратив любопытные взоры, праздностїю, особливо въ городахъ уѣздныхъ, непрестанно отверзаемые, и сокрывъ отъ нихъ обиталище и отъѣздъ старца, разстается съ матерью, и препоручаетъ ее попеченїю дружества. Великодушная Ермански, съ стороны своей, не мнитъ нарушить благопристойности, напоминанїемъ Вальмьѣ увѣренїя непостыдной любви своей: ибо основывалась оная на правилахъ чистѣйшей добродѣтели. Она вѣ-

щала ему какъ достойнѣйшему почтенія человѣку, который будетъ нѣкогда ея супругомъ. Чтожъ слѣдуетъ до него, являетъ онъ прежнее сопротивленіе симъ доказательствамъ нѣжности ея, кою ощущаетъ однакожъ съ удовольствіемъ: ибо остерегается подать въ семъ обстоятельствѣ и малѣйшій лучь надежды такой женщинѣ, которая какъ въ чувствахъ скромности такъ и въ поступкахъ благоповеденія достойный составляла для него предлогъ.

Госпожа Лормессанъ принуждена была ради семейственныхъ дѣлъ удалится отечественнаго города, на время простирающееся почти до двухъ лѣтъ. Возвратяся въ Орлеанъ, пріѣхала посѣтить дѣвицу Ермански. Разговоръ ихъ вскорѣ обратился на предлогъ обѣимъ пріятнѣйшій. Вдова признае-

тся другу своему, что Вальмье непрестанно живетъ въ ея помышленiяхъ; что любовь ея къ нему паче и паче возрастаетъ, и что отсутствiе углубило только стрѣлу въ сердцѣ ея, защищающееся весма слабо, вѣдая что предмѣтъ страсти онаго есть и почтенный и вкупѣ достойнѣйшiй любви человѣкъ. Что чувствованiе сiе наполняетъ всю ея душу; но что воспоминанiе объ томъ безполезно: ибо никакъ не можетъ уже она вознестись превыше онаго предразсудка, который хотя и несправедливъ, но сильно дѣйствуетъ надъ умами. Что не возможно свергнуть привязующихъ насъ къ обществу оковъ, безъ того, что бы не навлечь на себя осужденiя въ дерзновенномъ нарушенiи порядка: ибо общества ради мы дѣйствуемъ, живемъ и даже помы-

шлять долженствуемъ. Что первая къ преодолѣнїю препона незаконное было рожденїе, и хотя препона сїя уничтожилась, но уступила мѣсто другой паче непремогаемой: ибо возмущаетъ всѣ чувства. Какъ вытти замужъ за человѣка, отецъ коего преступникъ . . . — А ежели бы открылося что онъ невиненъ, съ горячностїю прервала рѣчь ея дѣвица Ермански? — Да хотя бы онъ невиннѣйшїй былъ изъ смертныхъ, но когда уже законы напечатлѣли на немъ вѣчное поруганїе, когда уже осужденъ былъ на казнь . . . — Не казнь, сударыня, но злодѣянїе напечатлѣваетъ срамъ и поношенїе на человѣковъ. Увѣряю васъ, увѣрена будучи сама, что отецъ Вальмьевъ никогда не оскверняль рукъ своихъ убїйствомъ. Но пусть бы и справедливо понесъ онъ бѣд-

ственнаго жребія своего осужденіе, чѣмъ же можете вы укорить сына? Не достоинъ ли онъ сожалѣнія и безъ сего удара? . . . Впрочемъ, истинная любовь не производитъ ли такихъ дѣяній героическихъ, кои поставляютъ насъ превыше толпы народной? отъ источника ея не исходятъ ли высочайшія добродѣтели? Коль достойное похвалъ усиліе, когда воздаемъ почтительное поклоненіе истиннѣ, когда опредѣляемъ ей должное мздовоздаяніе, когда постыждаемъ общество въ заблужденіяхъ его, въ нелѣпомъ несмысліи, въ закоренѣлостяхъ варварскихъ! Ослѣпленное общество сіе въ разсужденіи Вальмье весма безчеловѣчно, весма неправедно. И такъ я осмѣливаюсь загладить погрѣшности его, я воспріемлю на себя исполнить долгъ, коего не

можетъ оно свободиться не учинивъ . . . дерзновенно скажу . . . не учинивъ злодѣянія. Сами вы признаетесь, что Вальмье обладаетъ всѣми личными добродѣтелями, что достоинъ онъ любви, почтенія, сожалѣнія; почтожъ не усладить мнѣ горести бытія его? Недостатокъ имущества усугубляетъ его бѣдность; но гордость его, сіе истинное честолюбіе, прямая самолюбивыхъ душъ подпора, оскорбилась бы и мысліею единою получить отъ коголибо милость: того ради давъ себѣ титло супруги могу только принудить его къ воспріятію одолженія. Вы отреклись уже навсегда обручится Вальмьѣ: такъ я предложу ему и руку и имѣніе . . . Съ ними купно обладать онъ будетъ и сердцемъ моимъ. — Вы за мужъ выходите за Вальмье, сударыня?

— Иныхъ не имѣю желаній; но донынѣ чрезмѣрная разборчивость его отвергала и едино о семъ помышленіе. Отдаю достойную ему хвалу, что онъ бѣдственнаго жребія своего одинъ хочетъ остаться жертвою; но я . . . я побѣжду его упорство . . . Вѣдаю, что онъ любитъ васъ, ибо проникла я въ душу его . . . но неужели не пріобрѣту отъ него почтенія? оно наградитъ любовь мою. Единаго Вальмьева почтенія довольно будетъ къ блаженству моему, и ласкаюсь, что возмогу споспѣшествовать и его благополучію. Сверхъ сего вкушу и отъ того уже несказанное удовольствіе, когда буду ему хоть мало полезна. — И вы возмужаетесь принять на себя имя жены его? — Вальмьева супруга никогда не поникнетъ очей стыда ради; и ежели общество про-

стретъ слабость свою, или лучше сказать злость, до того что бы отвергнуть насъ, тогда найдемъ, сударыня, въ самихъ себѣ удовлетворенiе: ибо одной добродѣтели достаточествуетъ ко внутреннему убѣжденiю ея въ правотѣ своей. Что до меня, вкушу удовольствiе независимое отъ сихъ наружностей, кои часто бываютъ для насъ со всѣмъ чужды. Убѣжденiе совѣсти въ содѣланiи подвига праведнаго, мужественнаго, легко наградитъ меня за своенравiе и несправедливость народныхъ толковъ . . . Но на лицѣ вашемъ примѣчаю прискорбное мнѣ смятенiе! . . . однакожъ я не преставала быть другомъ вашимъ; сама, я испытовала сердце мое, и увѣрена въ себѣ, что имѣю толико великодушiя, толико силъ, чтобъ принести жертву поистиннѣ несравнен-

но дражайшую самыя жизни: могу еще заклать чувства любви моей въ пользу дружества. Люблю Вальмье, люблю его всею душею, обожаю; и не только не сожалѣю о семъ признанiи, но превозношуся имъ; однакожъ, ежели ваша любовь, сударыня, можетъ стать наравнѣ съ моею любовiю, ежели имѣете твердость попрать сiе лютое мнѣнiе, (и я первая потщусь ободрить васъ къ напряженiю силъ толь высокому,) ежели имѣете мужество повинуясь только сердцу своему предложить руку Вальмьѣ ... да будетъ онъ супругъ вашъ! де будетъ вами благополученъ! . . . Что до меня, безъ всякаго сомнѣнiя была бы я на вѣкъ блаженна, ибо за прiобрѣтенiе его отдала бы паче нежели жизнь мою. . . . — Нѣтъ, сударыня, прервала госпожа Лормессанъ съ досадою,

не сопротивляюсь толь вожделенному вами союзу! — Ежели бы могла я, сударыня, отдѣлить имущество мое отъ руки, и ежели бы Вальме не ставъ мнѣ мужемъ могъ принять мои щедроты . . . можетъ быть принеслабъ вамъ въ жертву блаженство свое; но я уже сказала, что одна только жена можетъ привесть его въ благосостоянїе, въ которомъ, повторяю вамъ, Вальме имѣетъ недостатокъ . . .

Госпожа Лормессанъ не допустила подругу свою окончить рѣчь; поспѣшно встала съ мѣста, и не произнеся ни единаго слова удалилась отъ дѣвицы Ермanси. Чудное человѣческаго сердца своенравїе! Вдова сїя не хочетъ вытти за Вальме, но оскорбляется услышавъ что другая предлагаетъ ему руку.

Вальмье спѣшитъ предстать королю; прибывъ дерзаетъ требовать уединеннаго съ государемъ своимъ разговора, и получивъ чрезвычайную милость сїю входитъ преслѣдуемъ отцемъ своимъ въ чертогъ монарха. — Какїя нужды твои, Вальмье, рекъ ему Людовикъ съ благостїю? Присутствїе твое разверзаетъ язвы мои: всегда находишь ты меня исполненна душевныя горести о лишенїи госпожи Спинолы. Но удалимъ печальную мысль сїю: короли не могутъ вкушать равныхъ съ подданными удовольствїй; не позволено имъ предаваться долговременной чувствительности: ибо должны пещись непрестанно о благѣ управляемыхъ ими народовъ. За чѣмъ ты сюда прїѣхалъ? — Искать милости, государь, отъ коей зависитъ жизнь моя; просить

оныя отъ щедротъ благотворнаго моего монарха. Сей старецъ государь . . . объемлющїй колѣна ваши, орошающїй ихъ слезами, покрытый почетными ранами за государя своего и отечество . . . есть отецъ мой . . . надъ главою коего виситъ мечь правосудїя. — Встань, преялъ Людовикъ обратясь ко графу Реминвилю, встань: поклоненїе подобаетъ Всевышнему токмо Существу. Сказывай, о чемъ просишь: я готовъ тебя выслушать. — Вальмье повѣствуетъ королю дѣло отца своего, не упущая ни малѣйшихъ онаго подробностей. Потомъ съ благородною осанкою речетъ: — Чувствую, государь, что я сынъ такова человѣка, который за недостойное вмѣняетъ говорить предъ вами неправду, и увѣренъ въ душѣ своей, что отецъ мой дѣйствительно

невиненъ; а потому и не скрываю желанія, чтобъ судьи рѣшили дѣло его по несомнѣннымъ токмо доказательствамъ. Я вынесъ новыя справки, новыя оправданія: и такъ благоволите, всемилостивѣйшій государь, отдать судъ на перевершеніе: ибо молю отъ васъ единаго правосудія. — Пораженный благородною смѣлостію слова его Людовикъ, ощутилъ сострадание о старцѣ, и обратяся къ Вальмьѣ рекъ: — Удовлетворю прошенію твоему: дамъ немедлѣнно надлежащія повелѣнія, и при пересматриваніи дѣла толь важнаго самъ предсѣдать буду. Сверхъ того что поставляю себѣ удовольствіемъ востановить честь достойнаго гражданина превыше всякихъ побѣдъ, исполняю тѣмъ и должность самодержца: ибо въ подобныхъ только случаяхъ познается блаженство быть госуда-

ремъ. Не увѣряю однакожъ въ поспѣшности нашихъ законниковъ: *поистиннѣ люди они искусные, только досадно мнѣ, что подобно плохимъ башмашникамъ вытягиваютъ кожу зубами.* *

* Собственныя слова Людовика XII го, преданныя намъ въ точности продолжителемъ исторіи Французской. Сверхъ того послушаемъ, что говоритъ самъ оный просвѣщенный писатель. — Прежде всего Людовикъ неослабное приложилъ попеченіе „учинить судей правдивыми и къ должностямъ ихъ прилежными. . . . Главнѣйшая „причина проволочки дѣлъ происходила „отъ жаднаго ухищренія прокуроровъ. Людовикъ жестоко гнѣвался на великое піявицъ сихъ множество, кои высасывая „кровь народную продолжительными ябѣдами, грызлись еще и между собою; и для „того повелѣлъ уменшить число ихъ на „старое положеніе. Вопрошенный нѣкогда, что больше всего зрѣнію досадно, „*стрѣча прокурора*, отвѣчалъ *обремененнаго своими бумагами*. Не менѣ „того огорчало его и сутяжество стряпчихъ. Государь сей желалъ самъ собою удостовѣриться какимъ образомъ воздаютъ правосудіе. Во всякое время пребыванія его въ Парижѣ, пріѣзжалъ запро-

Оба оные несчастливца начали усматривать лучь надежды. Бѣдственное графа Реминвиля дѣло препоручено судьямъ на новое изслѣдованіе; всѣ покрывающія оное тучи разсѣялись, истинна возсіяла, невинность стала доказана. Король собственною особою при слушаніи дѣла и при постановленіи рѣшенія находился; по совершеніи жъ онаго возгласилъ: Реминвиль! теперь могу я обнять отца достойнаго подданнаго моего, коего почитаю спасителемъ моея жизни! А ты, которому я не воздалъ еще свидѣтельствъ должныя моея благодарности, будь кавале-

„сто въ Палату на малоросломъ мескѣ, „безъ всякаго препровожденія и не предваряя о прибытіи своемъ, садился между „судьями, слушалъ просителей, и присутствовалъ при всѣхъ разсужденіяхъ.„— Коль сладкое зрѣлище для подданныхъ, видящихъ государя своего въ исполненіи прямой его должности!

ромъ ордена моего, и съ опредѣляемымъ по смерть содержанїемъ, приличнымъ оной чести, прими первое въ войскахъ моихъ мѣсто. — Государь! государь! . . . слезы прерываютъ голосъ мой; но слезы сїи, истекающїя изъ глубины сердца, вѣщаютъ души моей чувствїя лучше всякаго витїйства . . . О государь! о самодержецъ мой! о ты образъ милосердаго божества! колико я награжденъ тобою! Ты возвратилъ намъ честь, возвратилъ мнѣ отца . . . который для того токмо и остановился на краѣ гроба, что бы благословлять, обожать милосердаго своего монарха! — Перестань, другъ мой: слезы вѣщаютъ мнѣ благодарность твою паче всякаго выраженїя. Служи мнѣ и впредь съ тою же ревностїю, которая тебя отъ многихъ отличаетъ, и старайся ча-

ще меня видѣть. Воззрѣніе на толь достойнаго слугу, есть сладчайшее для государей позорище! — Всемилостивѣйшій государь! съ восторгомъ возопилъ Вальмье, соблаговолите чтобъ именовался я всегда *солдатомъ королевскимъ*, и чтобъ сіе названіе осталось при мнѣ главнѣйшимъ титломъ.

Коликимъ радованіемъ напаяетъ блаженство сіе отца и сына! — Поѣдемъ, говоритъ Вальмье, полетимъ въ Орлеанъ: понесемъ какъ наискоряе пріятную новость сію къ матушкѣ и дѣвицѣ Ермански. О Боже! Боже! я любимъ государемъ моимъ, ущедренъ благодѣяніями его, усыновленъ отцу, котораго и самъ я избралъ бы отцемъ моимъ, ежели бы выборъ сей въ нашей состоялъ власти, поставленъ въ блаженное состояніе исторгнуть его отъ бездны по-

гибельной, возвѣстить свѣту невинность его, наслаждаться его объятіями! О Боже! чѣмъ воздамъ за толикія твои щедроты? и что еще присовокуплю къ желаніямъ моимъ, развѣ да устроишь благаго короля нашего быти безсмертнымъ? И такъ есть конецъ злополучіямъ, есть награда добродѣтели!

Прибывшимъ въ Орлеанъ возвѣщаютъ имъ, что госпожа Реминвиль поѣхала навѣстить дѣвицу Ермански въ монастырѣ: спѣшатъ туда и они. Во всемъ городѣ извѣстно уже было о новыхъ успѣхахъ добродѣтельнаго Вальмье; повсюду разносила молва востановившій отца его въ прежней знаменитости приговоръ; всѣ познали тогда, что дворянинъ благорожденный, что досточтимый за службу свою воинъ, что графъ

Реминвиль заступилъ мѣсто бѣднаго изгнанца, имя коего опредѣлено было на вѣчное поруганїе и мерзость народную, съ чѣмъ и самое наименованїе *Вальмье* навсегда изгладилось изъ памяти вкупѣ со всѣми его злополучїями. Вошедъ въ обитель дѣвицы Ермансн, поражается онъ удивленїемъ, видя ее окруженну монахинями, и стѣсняему въ объятїяхъ плачущей госпожи Реминвиль. — Дождись, говорила она нѣжной Ермансн, дождись возвращенїя сына моего, и тогда приступай къ исполненїю толь отчаяннаго намѣренїя. — Ахъ сударыня! ожиданїе сїе безполезно, отвѣчала Елеонора: намѣренїе мое твердо принято. Госпожа Лормессанъ (указавъ на стоящую тутъ же вдову сїю) воспрїиметъ власть надъ сердцемъ сына вашего; богатство . . . — Но вдругъ

усмотрѣвъ молодова графа, отцемъ его послѣдуема, упадаетъ на грудь утѣшающей ее госпожи Реминвиль, и едва успѣвъ воскликнуть: наконецъ вы стали счастливы, и небо наградило невинность и добродѣтель! лишается чувствъ. Госпожа Реминвиль устремилась лобзать и супруга своего и сына; но юноша не взирая на госпожу Лормессанъ, и не внемля поздравленіямъ ея съ перемѣною его состоянія — Матушка, вопіетъ, матушка! скажите мнѣ, заклинаю васъ, скажите, о чемъ сокрушается дѣвица Ермანси . . . что значитъ сіе позорище . . . сіе приготовленіе? . . . Не намѣряется ли она посвятить себя олтарю? — Точно такъ, графъ, умирающимъ голосомъ произноситъ несчастная сія жертва: ты видишь ожидающее меня и самою

на себя наложенное иго. Вѣдай, что когда имѣла я знатное иждивенїе, инымъ тогда не наслаждалась удовольствїемъ, какъ токмо желанїемъ тебѣ вручить оное: въ томъ состояло все мое упованїе, все блаженство. Но нынѣ неожидаемая премѣна, подробности коей узнаешь вскорѣ, похитила отъ меня все мое стяжанїе, повергла меня въ бездну бѣдности . . . Теперь не могу уже я предложить тебѣ руки моей, и ты явился здѣсь въ самое то мгновенїе, когда я готовлюсь отторгнуться свѣта, тебя . . . тебя, коего любила паче души моей . . . Прошу великодушїе твое, не воспоминай минувшаго . . . забудь меня. Вотъ госпожа Лормессанъ, пришедшая посѣтить меня, вотъ тебѣ супруга . . . которой ты болѣ прежняго любезенъ. Она приличнѣе быть те-

бѣ женою, нежели злополучная, единой смерти ожидающая Ермanси.

Юный графъ силится говорить: рыданія прерываютъ гласъ его; повергшись потомъ къ ногамъ дѣвицы Ермanси, и цѣлуя руку ея обливаемую слезами вопіетъ: — Душа великая! душа небесная! неужели ты мнишь что графъ Реминвиль не имѣетъ уже сердца оживотворявшаго Вальмье? Неужели думаешь, что перемѣна состоянія премѣнила чувствованія мои? . . . Нѣтъ; никакое бѣдствіе твое . . . оно даетъ тебѣ сильнѣйшее орудіе да подвигнешь мою чувствительность. Ты въ бѣдности, обожаемая Елеонора? Ахъ! коль сладкое напаяетъ меня восхищеніе! Слѣдовательно могу и я отмстить за тебя несправедливой судбинѣ, какъ нѣкогда ты меня отмщала; могу доказать тебѣ,

что есть еще на земли душа, достойная пріобщиться великой душѣ твоей! — (Обратясь къ матери своей и госпожѣ Лормессанъ:) — Матушка! внемлите и вы, сударыня! вотъ моя супруга. — О небо! возопила вдова, всѣ были препятствія уничтожились . . . я думала было . . . — Остались еще, сударыня, неопреодолимыя препоны съ стороны моей. Какъ могли вы уповать, чтобъ забылъ я всѣ тѣ убійственныя стрѣлы, коими вы пронзали сердце мое? Я любилъ васъ, сударыня, обожалъ; долгое время страсть сія тиранствовала надо мною . . . но глаза мои открылись. Увидѣлъ я, восчувствовалъ неизмѣримое разстояніе возвышавшее отъ васъ дѣвицу Ермански . . . Жестокая! неужели не воспомянешь, что ты только и поражала меня чувствительнѣй-

шими ударами! . . . Все бы я перенесъ . . . но когда госпожа Лормессанъ присоединилася ко врагамъ моимъ, къ гонителямъ, когда она умножила мѣру горестей моихъ, мѣру моего поношенія . . . И ахъ! хотя бы я и донынѣ тебя любилъ . . . но скоряе истерзалъ бы сердце свое, питающее толь слѣпую, толь недостойную склонность . . . Но перестанемъ о томъ говорить, сударыня: постараемся другъ друга болѣе не видѣть . . . А ты, благодѣтельница моя, ты, ангелъ хранитель мой! прими въ присутствіи всего здѣсь собранія руку мою . . . О божественная Елеонора! прими ее, и не помышляй отвергнуть. Сей токмо союзъ свершить тебѣ остается, а я вскорѣ потщусь приготовить и все къ нему потребное, дабы ничто не пробавляло

брака, блаженство жизни моей составляющаго. — (Дѣвица Ермански хотѣла было возражать) — Еще повторяю, о ты, познанная мною толико благородна, толико великодушна! не лишай меня сладчайшаго удовольствїя, восхитить душу мою могущаго! Неужели достохвальная гордость твоя завидуетъ моему честолюбїю? Забудь теперь причиненныя тебѣ фортуною оскорбленїя; станемъ помышлять токмо о любви нашей, кою добродѣтель, разсудокъ и время утвердятъ крѣпчайшими узами: ибо почтенїе въ сердцѣ просвѣщенномъ паче усугубляетъ нѣжность.

Дѣвица Ермански отвѣтствовала едиными слезами; проливала ихъ и госпожа Лормессанъ; но съ колико различнымъ чувствованїемъ! смятенїе, отчаянїе, гнѣвъ извле-

кали ихъ. Напослѣдокъ съ поспѣшностію уклоняется изъ собранія, дабы удалясь Орлеана никогда уже въ него не возвращаться.

Торжество брака происходило съ приличнымъ настоящему состоянію графа великолѣпіемъ. Весь городъ въ веселіи празднества онаго участвовалъ. Самые тѣ офицеры, кои уклонилися Вальмьева знакомства, осыпали учтивостьми графа Реминвиля и его семейство; восхваляли мужество его, знанія, и превозносили оказанныя ему щедроты отъ двора. — Государи мои, говорилъ имъ Реминвиль, съ чувствительною благодарностію пріемлю хвалы, коими вы почтить меня удостояете; но позвольте здѣлать притомъ маленькое примѣчаніе. Странно мнѣ кажется, отъ чего въ толь короткое время пріобрѣлъ я неслы-

ханное сїе въ глазахъ вашихъ превращенїе? Малыя тѣ достоинства, кои вы хвалить во мнѣ благоволите, были при мнѣ и прежде... — Бывшїе таварищи его не допущаютъ продолжать, и просятъ о забвенїи прошедшаго. — Согласенъ я, отвѣчалъ графъ; но позвольте мнѣ забвенїю сему назначить условїе: согласитесь, чтобъ явился здѣсь и сѣлъ между нами еще одинъ собесѣдникъ. Послѣ сего приказываетъ нѣчто слугѣ своему тихимъ голосомъ, который приводитъ тотчасъ Дользена, того купца, племянникъ коего казненъ смертїю. Удивленїе изображается на лицахъ всѣхъ присутствующихъ; но графъ устремляется къ нему, обнимаетъ его съ горячностїю, и посадивъ возлѣ себя: — Ласкаюсь, государи мои, что раздѣлите вы со мной

чувствія мои. Несчастный сей человѣкъ есть жертва предразсудка самаго несмысленнаго и безчеловѣчнаго, каковому былъ и я подверженъ. Одинъ я восчувствовалъ злополучія его, и потому мнѣ одному остается умягчить жестокость оныхъ, и вознаградить его за тѣ несправедливости, коихъ онъ не заслужилъ. Такъ! всѣ силы употреблю привесть ему въ забвеніе тяжкое бѣдствія его время: сіе есть долгъ мой, долгъ каждаго благомыслящаго и благосердаго человѣка. О ежели бы возмогъ я примѣромъ моимъ открыть глаза ваши и поставить васъ на путь истинны! Запечатлѣемъ, государи мои, запечатлѣемъ правило сіе на сердцахъ нашихъ, правило священное: *я человѣкъ: слѣдовательно все къ человѣку относящееся есть моя собственность.*

И кто изъ васъ осмѣлится увѣрить меня, что не подвергнется и онъ удару господина Дользена поразившему? Что до меня, сочту себѣ особеннымъ удовольствїемъ видѣть его, утѣшать, собесѣдовать ему въ домѣ моемъ. Ахъ! почто намъ усугублять число достойныхъ презрѣнїя нашего тварей! — Краткїя слова сїи, съ твердостїю произнесенныя, подвигнувъ сердца всѣхъ умиляютъ въ пользу несчастнаго торговца; природа одолѣла силу предразсудка, и въ графѣ Реминвилѣ зритъ всякъ подпору и покровителя злополучныхъ.

Нѣсколько дней послѣ свадьбы, идетъ онъ къ офицеру оному, отрекшемуся биться съ нимъ на шпагахъ. — Теперь, подлый человѣкъ! не станешь ты больше отговариваться никакими препят-

ствіями. Знаешь уже, коликихъ благъ могу нынѣ лишиться, и конечно сочтешь меня достойнымъ погибнуть отъ рукъ твоихъ! (Дарней запинаясь извиняется.) Ничего не хочу слушать; нѣтъ отсрочки: удовлетвори мнѣ немедлѣнно. Гдѣ твоя шпага? — Напослѣдокъ офицеръ сей не смѣетъ отрицаться: оба приготовляются къ бою. Графъ не могъ при семъ случаѣ воздержаться отъ гнѣва: наступаетъ на сопротивника своего, обезоруживаетъ, и подавая ему съ благородною гордостію шпагу: — Живи для лучшаго исполненія должностей дружества и чести. — Дарней спарается оправдать поступокъ свой, и проситъ у графа позволенія видѣть его и возобновить съ нимъ старинное знакомство. — Оставляя тебя въ живыхъ исполняю я

долгѣ человѣчества; ежели есть тебѣ нужда и въ помощи, надѣйся на меня; но почтенїе есть такое благо, кое всякихъ щедротъ превыше: такъ можешь ли ты уповать прїобрѣсть оное отъ меня?

Графъ Реминвиль учинился нѣкїимъ образомъ божествомъ общества Орлеанскихъ. Въ перемѣнѣ толь чрезвычайной, какъ по образу о немъ мыслей, такъ и по обхожденїю съ нимъ, не льстилъ онъ себя суетнымъ самолюбїемъ. Истинныя удовольствїя вкушалъ только въ нѣдрѣ семейства своего; восчувствовалъ, что упоенїе и ложь безумной страсти рано или поздо исчезаютъ, что истинная нѣжность раждается отъ почтенїя и довѣренности, и что утвержденїе толь достохвальныхъ узъ есть добродѣтель, сїе сладкое и непорочное чувствованїе,

коего чарованія временемъ умножаются, и которое провождая насъ до дверей гроба удостовѣряетъ о вѣчномъ онаго вкушеніи. Привязующіе его къ любезной супругѣ прелести, явились ему весьма различны съ тѣми, кои привлекали ко вдовѣ. Рожденіе двухъ дѣтей связало крѣпче узелъ толь почтеннаго и достойнаго зависти союза.

Часто съ любезнымъ семействомъ своимъ уклонялся графъ въ небольшой загородной домикъ, отстоящій на двѣ мили отъ Орлеана. Нѣкогда приготовляясь сѣсть за обѣденный столъ подъ тѣнію ракитовыхъ кустовъ, осѣняющихъ ручеекъ, не въ дальномъ разстояніи отъ сельскаго жилища его текущій, держалъ онъ дѣтей своихъ на рукахъ; отецъ его вмѣстѣ съ нимъ любуяся ласкалъ не-

винныхъ сихъ любезныхъ тварей, а между тѣмъ мать и супруга учредили обѣдъ, какъ вдругъ нѣкто незнаемый обернутый въ плащѣ, подошедъ къ нему схватилъ его за голову, зажавъ глаза рукою. Графъ удивляется нѣкїимъ образомъ сей нечаянности, равно какъ и отецъ его и обѣ женщины. Незнакомый шутку сїю сопровождаетъ слѣдующею рѣчью: — Ременвиль! угадай кто тебя держитъ. Конечно не думалъ ты, чтобъ я такъ былъ къ тебѣ близко! — Съ начала огорчился было графъ вольнымъ симъ обхожденїемъ; но признавъ голосъ знакомымъ, стараестся изъ положенїя толь принужденнаго свободиться, и устремивъ первый взоръ на перстень, вздѣтый на рукѣ незнаемаго, вопїетъ: — Король! . . . это вы, государь! . . . — Отложимъ къ сторонѣ ко-

роля, Реминвиль; а знай что то другъ твой пришелъ тебя навѣстить. Я ѣздилъ въ Амбоазъ, и вѣдая что есть у тебя около сихъ мѣстъ загородной домъ, отсталъ отъ охоты и покусился заѣхать къ тебѣ одинъ . . . — Ахъ государь! государь! . . . Жена, дѣти! . . . упадемъ къ ногамъ наилу̀чшаго самодержца . . . Это Богъ . . . это самъ Богъ явился намъ къ порадованїю благодарныхъ душъ нашихъ. — Обоймите меня, дѣти мои . . . Забудемъ, графъ, повторяю тебѣ, забудемъ самодержца: помни что равный тебѣ . . . другъ твой пришелъ тебя посѣтить . . . Да вы садитесь обѣдать? накормите же и меня. Обѣдъ сей будетъ для меня пиръ торжественный, будетъ такимъ удовольствїемъ, коего рѣдко государи вкушаютъ! — Садятся потомъ застолъ.

— Всего больше, повторяетъ король, помните равенство: безъ него нѣтъ веселья. — Госпожа Реминвиль уклонилась на нѣсколько минутъ, и пришла назадъ въ провожанiи дѣтей своихъ, несущихъ сплетенный изъ цвѣтовъ вѣнецъ. — Государь, рекла она, повинуяся вашему величеству истребимъ мы здѣсь всѣ чиновные обряды; но благоволите токмо чтобъ сiи невинныя твари, незнающiя хитростей придворныхъ, удостоены были чести вручить вамъ сей полями произведенный вѣнецъ. Возложенный на главу вашу, не отяготитъ онъ ее царственными попеченiями. — Благотворный государь улыбаяся воспрiемлетъ приношенiе, и вкушаетъ потомъ пищу съ такою охотою, которая на придворныхъ пиршествахъ неизвѣстна. Продолжая являть снисхожденiе свое се-

мейству толь добродѣтельному, пресвѣтлѣйшій монархъ послѣ обѣда беретъ графа за руку, и ведетъ его къ бесѣдкѣ усажденной молодыми липами, корни коихъ орошаетъ источникъ, тихимъ журчаніемъ возвѣщающій, что мѣсто сіе есть мѣсто покоя, гдѣ царствуетъ счастливое забвеніе мірскихъ суетъ, тлѣнныхъ забавъ, и толико же лютыхъ колико и горестныхъ заботъ житейскихъ.

Реминвиль, рекъ король испустивъ тяжкій вздохъ, душа моя исполнена томленій, и я имѣю нужду изліять оныя въ нѣдро друга. Въ чертогахъ моихъ не могу обрѣсти толь сладостнаго облегченія. Ахъ колико несчастливъ я, Реминвиль! Почто не могу остаться долговременнѣе въ семъ убѣжищѣ, раздѣляя пріятности его съ однимъ тобою, въ удаленіи отъ

сихъ дворскихъ личинъ, тяготящихъ меня притворствомъ своимъ, скрывающихъ въ разговорахъ и въ дѣлахъ своихъ истинну, и питающихъ во внутренности душъ ихъ ко всѣмъ дѣянїямъ моимъ неблагодарность! Такъ, всѣ они неблагодарны! * Ахъ графъ! мало знаютъ люди королей, когда участи ихъ завидуютъ! Съ тоя самыя минуты, когда принялъ я ски-

* Придворные Людовика XII го, алчущїе наградъ незаслуженныхъ роптали на умѣренность его щедротъ, и направляемы подлостїю дерзали сожалѣть о правленїи Людовика XI го, сего лютѣйшаго изъ королей Французскихъ тиранна, охуждая кроткое и домостроительное царствованїе благоразумнаго его преемника. Сыскались даже гнусные врали, кои сочинивъ нескладныя игрища, дерзнули осмѣивать короля сего на площадныхъ позорищахъ. Увѣдомленный о таковомъ наказанїя достойномъ дерзновенїи государь, отвѣчалъ безъ всякаго гнѣва: *Пусть лучше царедворцы смѣются надъ скупостїю моею, нежели бы народъ отъ расточенїя моего плакалъ.*

петръ въ руки, едино попеченіе мое было и есть благо Франціи; но не взирая на сіе многіе недовольны мною, и съ сожалѣніемъ о желѣзномъ царствованіи предмѣстника моего воспоминаютъ! Укоряютъ меня скупостію, за то что по примѣру нѣкіихъ слабоумныхъ государей не подавляю ихъ бременемъ суетнаго расточенія; за то что храню бѣдный народъ мой отъ гибели тяжкихъ податей, и что не хочу, дабы учинился онъ жертвою безполезной чивости, орошенной потомъ и слезами его! — Государь! возопилъ графъ обнимая колѣна монарши и проливая слезы: пусть ихъ безумствуютъ; но хвала ваша не умретъ! Рано или поздо истинна возникнетъ со славою, ропотъ расточится, и потомство, коему принадлежитъ суж-

деніе о владыкахъ міра сего, съ восторгомъ повторитъ благословенія, возсылаемыя на васъ истинными Французами! Угодно ли вашему величеству ко утѣшенію своему знать, до коликія степени вы обожаемы? Премѣните одѣжды ваши, и идите въ бѣдную хижину: тамо, тамо услышите гласъ сердца, сіи безпритворныя, сіи чувствительныя, хвалы; тамо увидите текущія нѣжныя слезы... О государь! представь уму своему поразительную картину сію, и тогда восчувствуешь ты происходящее отъ царствованія блаженство. Поистиннѣ счастіе государей превосходнѣе благополучія всѣхъ смертныхъ, ибо имѣютъ они возможность благотворить паче прочихъ человѣковъ!

Людовикъ, предавшійся восторгу удовольствія, происходя-

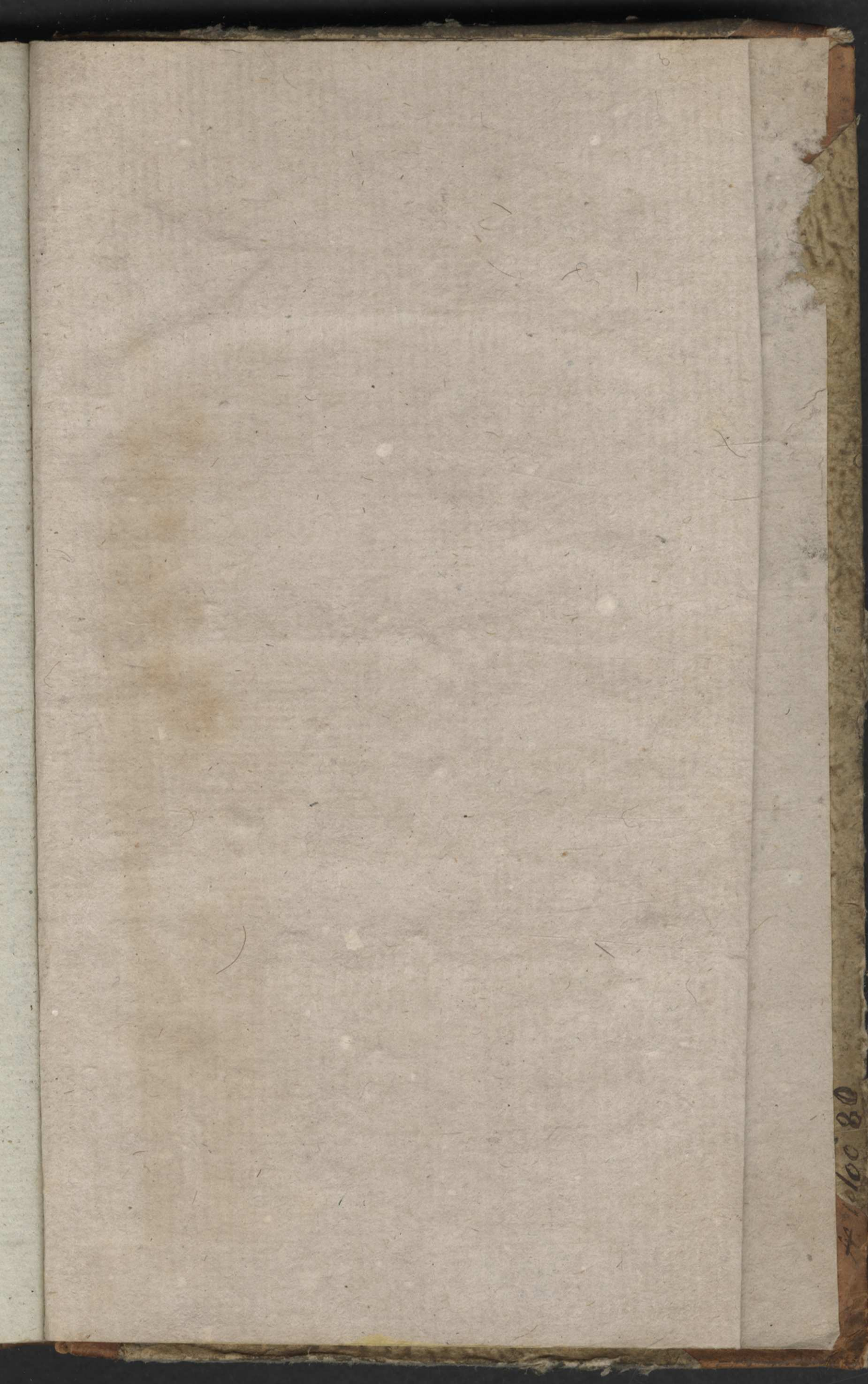
щему отъ нѣдръ души чувствительной объемлетъ паки дѣтей Реминвилевыхъ, возобновляетъ свидѣтельства ласковости своей, толико драгоцѣнной въ монархѣ для сердецъ благорасположенныхъ, и уклонясь напослѣдокъ отъ семейства толь возлюбленнаго, убѣждаетъ графа явиться ко двору его. Недостаетъ мнѣ друга, рекъ монархъ; мѣсто онаго донынѣ праздно, а *солдатъ мой* сотворенъ къ заступленiю онаго.

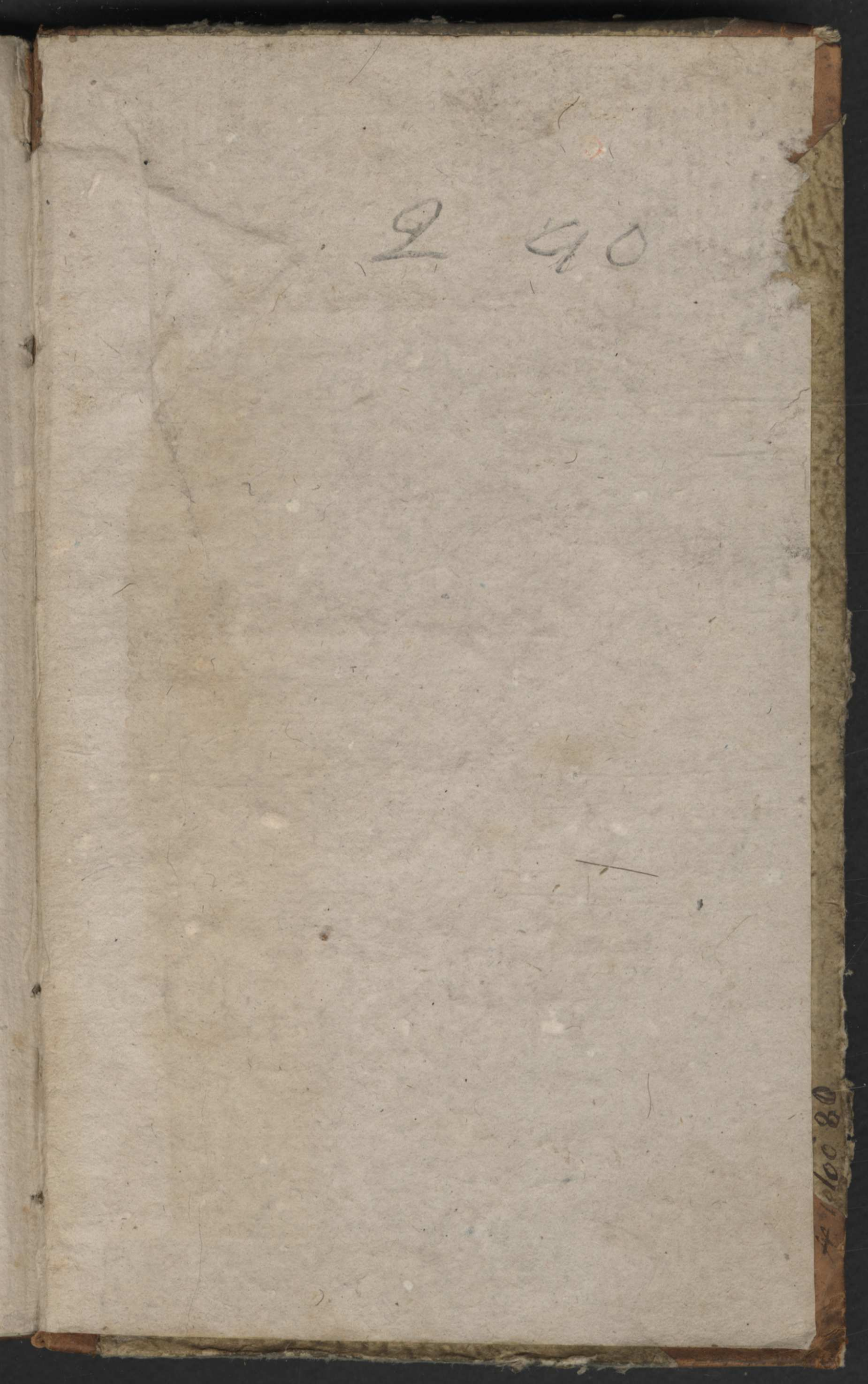
И въ самомъ дѣлѣ, графъ достоинъ учинился въ послѣдствiи толь славнаго отличiя, превышшаго всѣхъ оныхъ ложныхъ почестей, личному уваженiю ни малыя цѣны неприсовокупляющихъ. Прiобрѣтя совершенную довѣренность королевскую, оказалъ онъ ему знаменитыя услуги въ предводительствѣ войскъ его, и въ без-

молвіи сокровеннаго чертога; награжденный жъ дѣтьми имѣлъ удовольствіе видѣть въ нихъ истинныхъ сыновъ своихъ. Не тщась погрузить въ забвеніе постигшихъ его злополучій, самъ онъ воспоминалъ ихъ всякому. Отъ первыхъ благостей полученныхъ имъ въ счастливомъ состояніи своемъ, возвратилъ опредѣленное ему отъ Лоримона денежное содержаніе наслѣдникамъ его, и въ послѣдствіи явилъ имъ многія благодарности своей свидѣтельства. Дользену и сродникамъ его продолжалъ начатое издавна попеченіе и защиту. Когдажъ поздравляли его восшедшаго на высокую оную степень знаменитости, отвѣчалъ съ чувствительностію: — Необиновенно признаюсь, что поставляю себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ: семейство мое

любитъ меня; король ко мнѣ милостивъ, и удостояетъ примѣчанїя своего колико я къ нему благоговѣю; но благополучїе мое тогда бы стало совершенно, когдабъ могъ я прежде смерти моей увидѣть освобожденное человѣчество отъ гнусныхъ предразсудковъ, уничижающихъ оное. — Графъ Реминвиль уже умеръ, такъ какъ и потомство его скончалось, не вкусивъ сладчайшаго удовольствїя сего; и видно по всему, не взирая на любомудровъ и книги наши, что и никогда бы его не вкусилъ.

4 16080

2 40